

Анастасия Головачева

Время собирать урожай

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Головачева
Время собирать урожай

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Головачева А.

Время собирать урожай / А. Головачева — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-99955-8

Сестрам Хачатурян и всем детям из неблагополучных семей, чья жизнь похожа на ад и не вписывается в рамки норм морали и нравственности посвящается. Часть произведения основана на реальных событиях. Алисе Коневой случилось родиться в неблагополучной семье. Отец-алкоголик с желтой справкой, мать бывшая проститутка, постоянные пьянки, побои, разврат - та атмосфера, которая формировала личность Алисы. Потом развод родителей, смерти родственников, нищета... И без того болото, так еще и взбудораженное чередой неудач. Жизнь ребенка катится в ад. Только любовь и преступление могут помочь Алисе. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-99955-8

© Головачева А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

введение	6
Начало. Детство.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Анастасия Головачева

Время собирать урожай

От автора

Дети не виноваты.

Не виноваты в том, что рождаются в неблагополучных семьях.

Не виноваты в жестокости своих родителей.

Не виноваты в том, что не получают должного воспитания.

В последствиях дети тоже не виноваты.

Спрос не с них. Спрос с их родителей.

Сестрам Хачатурян посвящается.

Часть истории основана на реальных событиях (пока еще не самая страшная часть).

ВВЕДЕНИЕ

Небо... Чего ему хочется? Оно такое серое, смурное, будто тоже сейчас скорбит. Почему оно скорбит? Потому что в такие моменты так положено? Или оно действительно сейчас печалится? Нет, кажется, ему в тягость это состояние. Я вижу где-то там вдали уже пробивается фиолетовая полоса, предвещающая закат, а фиолетовый, он такой яркий, мой любимый, цвет-праздник. Видимо, небо не хочет скорбеть, просто так действительно положено. Небо ждет, когда уже вся эта церемония закончится, чтобы стать наконец фиолетовым.

Холод пробирает до костей. Еще бы, ведь это февраль. И додумалось же это все случиться в самую морозную пору. Не хочу сейчас здесь стоять. Сил нет. Такая слабость, будто бы сама жизнь со своим теплым дыханием покинула меня.

А еще все эти люди вокруг, до боли знакомые, столько дней, месяцев, лет уже стоят у меня поперек горла. Как бесит, когда этот алкаш тянет ко мне свои грязные руки и заставляет надеть капюшон. Я и без него знаю, что холодно, но мне сейчас нет до этого никакого дела.

Когда-то мы с отцом были завсегдатаями на чужих похоронах и поминках. Он таскал меня на эти отвратительные мероприятия, чтобы пожрать на халяву. Отличное место обеда для ребенка, не правда ли? Я была на похоронах и поминках всех местных пьяниц, наркоманов, соседей, родственников соседей... Чьи гробы мне только не довелось увидеть, какие поминальные щи мне только не довелось отведать. А теперь твоя очередь, папа, принимать гостей.

Да, я стою на похоронах собственного отца. Промозглый февраль будто укоряет меня своим холодом. Все так серо, пасмурно и тускло, прямо как у меня в душе. Я не чувствую боли, скорби. Я чувствую пустоту. Бессилие заполнило меня. Не хочется думать ни о чем.

Пришло время прощаться. Все идут поцеловать в лоб тело, лежащее в гробу, потрепать его за ледяную руку, угрюмо постоять над ним. Я не хочу возглавлять эту колонну. Более того, я вообще не хочу подходить. Мне стыдно и страшно, горько и мерзко. Первая пошла моя мама. Да, я не совсем еще сирота, у меня есть мама, но она мама только по буквам в документах, по крови, но никак не по своей душе. Уж и не помню, когда эта женщина положила на меня большой и толстый. А все потому, что ей было плевать, от кого икрить. Она шальная. Я даже сомневаюсь, что у нее есть материнский инстинкт. Мама давным давно ушла от моего отца, за что ее сложно винить. Но она ушла и от меня, за что винить ее я уже имею право.

Мама поцеловала отца в лоб, карусель беспринципных печальных пьяниц потянулась дальше. Я все не хотела идти, боялась. Да и в толпе этих никчемных людей кружить не хотелось. Рядом со мной все это время стояла Настя. Настя, которая была чем-то вроде подруги моего отца, гордившегося ей, всегда делала вид, что оберегает меня, поддерживает, воспитывает. Смешно, но папаша даже разрешал ей лупить меня, когда, по ее мнению, я была неправа. Вот и сейчас эта Настя стоит рядом со мной с видом жалеющего меня человека. Как мне кажется, лицемерка. Я никогда ее на самом деле не любила, только делала вид. И я никогда не могла понять, зачем ей, будучи младше моего отца на добрых лет двадцать водиться с ним.

Черт ее дери, она все же повела меня к гробу!

Мне жутко смотреть: мой папа, такой морщинистый и белолицый, был будто врыт в такие же белые, как и его кожа, покрывала; труп его был таким чужим, непохожим, что казалось, хоронили абсолютно другого человека. Эта мысль преследует меня теперь: а что, если не он лежал в гробу, что, если настоящий Олег Конев, Седой, придет отомстить? Да нет, бред. За него будут мстить теперь только если представители закона.

Все попрощались, молоток забивает гвозди. Этот звук, расходящийся от гроба, был таким едким, железно оповещал о том, что больше этого человека не увидит никто и никогда. Гробовщики спускают ящик с телом в промерзлую землю. Самый дешевый ящик из всех возможных. Потому что денег нет. Как обычно.

Очередная карусель потянулась: надо кинуть землю в могилу в знак последнего прощания. Этот звук еще хуже, чем тот, что издавали гвозди. Я не могу больше все это слышать. Эти лютые звуки уходящего в забвение человека на фоне тишины разъедают мой мозг и разрывают душу.

Наконец-то, закончилось. Гробовщики делают последние движения с лопатами в руках, вставляют табличку, на которой написано, что Олег Конев был рожден 1 марта 1971 года и скончался в возрасте пятидесяти двух лет. Самая дешевая табличка, даже дата смерти на ней не уместилась. Ни ограды, ни креста. Цветов кот наплакал. Мама положила венок, который купил ее муж; Настя и Вика (вторая такая же подруга отца, которая непонятно зачем с ним возилась) положили венок от себя, соседи по лестничной клетке кинули пару гвоздик, а остальные, что остальные... Всплакнули, повздыхали и разошлись, чтобы поскорее нажраться водки за упокой бывшего собутыльника. Конечно, я слышала в толпе осуждения в свой адрес, ведь многие уже знали, что я имела к его смерти какое-то отношение, только не знали, какое именно. Я не обратила на это никакого внимания. Были и те, кто жалел меня. Спасибо им, мне это было необходимо.

Сначала попыталась меня увезти мама, потом Настя с Викой. Я не хотела никого видеть, ни с кем идти. Мне просто хотелось побыть одной на этом пустынном кладбище, внушающем тревогу и страх. Мне уже шестнадцать, я самостоятельная, могу как-нибудь добраться до города. Все разбрелись. Я села на холодную лавку у соседней могилы и уперлась глазами в эту мерзкую табличку с именем моего отца. Фамилию написали, глупые. Надо было погоняло – Седой. Сколько себя помню, практически каждый звал его именно так. Редко к нему обращались по имени, а он и не протестовал, потому что все молодился.

Я сидела одна и думала, что же дальше со мной будет. Ничего хорошего. Из худшего – меня посадят. Может быть, пронесет. Я не думала о том, что у меня больше нет отца, с которым я провела всю свою жизнь. Я думала о том, как моя и без того хромая жизнь искалечена с момента его смерти. Глухой страх за собственное будущее сковывал. Я так боялась, что меня ничего теперь не ждет, кроме пустоты.

Я чудовище: даже не плачу по собственному отцу. Может, потому что он сам все так устроил? Кем был мой отец? Нахлебник практически всю свою жизнь, избивавший престарелых родителей и брата-инвалида; садист, издевавшийся над женщинами, почему от него и ушла моя мать; алкоголик, пьющий паленую водку. Он относился плохо ко всем родным, ко всем, кто мог бы его искренне любить. Зато он был отличным другом. Рубаха-парень, готовый продать ради кого-то последние трусы. Мы жили впроголодь, но его дом всегда был открыт, а сам папаша был готов отдать последние деньги, даже взять кредит в любую минуту, если такое было необходимо всем тем, кто громко звал себя его друзьями. Я с самого раннего детства почти ежедневно наблюдала у себя дома пьяные морды, блюющих людей, голых женщин, вонючих мужчин. Громкая музыка с утра до ночи, с ночи до утра мешала мне спать. Вместо еды в холодильнике была водка.

Я сидела за поминальным столом. Алый диск солнца плавно спускался вниз, предвещая долгие холода. Ветер задувал за шиворот, но мне было все равно. Отец лежал в промерзлой жесткой земле. Я провожала его молча, в полной тишине, не так, как он обычно провожал своих. Что будет дальше, я не знала и знать не хотела, потому что боялась.

Мне очень хочется исповедаться, все рассказать от начала до конца, почему я сейчас не плачу, почему он сейчас лежит в земле. Зачем мне эта исповедь? Я хочу, чтобы мне стало легче. Я хочу, чтобы меня пожалели. Я больше не могу, я устала. Я такая гнусная девчонка! Но мне правда это необходимо.

Хочу заранее предупредить, что в истории, если рассказывать ее так, какова она есть, будет слишком много брани. Я хорошая девочка – не хочу, чтобы нецензурщина очерняла мой ангельский образ (который давно уже был продан Дьяволу), поэтому я не буду в точности

передавать разговоры. Я хочу попросить вас окунуться в мою жизнь, в такую, какая она есть, по-настоящему, поэтому желаю, чтобы вы представили себе, что почти все диалоги, монологи и вообще какие бы то ни было реплики на самом деле были сдобрены грязной матерщиной. Нецензурица преследовала меня с рождения, как и алкоголь, грязь и бедность. Не забывайте об этом, когда окунетесь в мою историю. Я буду максимально откровенна и совершенно честна. И я обещаю, что на следующем допросе я расскажу все тоже самое, что и вам, следовательно, тогда уж будь что будет.

Начало. Детство.

Хм... С чего начать. Наверное, с того, кем был главный герой моей истории, что он из себя представлял. Речь пойдет о моем отце. Я хотела бы сделать несколько мазков на картине его образа, чтобы общее изображение вырисовалось как можно яснее. Для этого я немного расскажу о том, каким человеком Седой был до моего рождения.

Ну, для начала я расскажу, почему он Седой. Настоящий цвет волос отца рыжий, как и мой. Я не очень благодарна ему за такое наследство, но приходится принимать это как данность. Этот рыжий не из тех красивых, не яркий и насыщенный, а блеклый и жидкий. Помимо цвета волос от отца в наследство мне досталась еще и неприязнь к этому самому цвету. Так как Седой, в отличие от меня, мужчина, он мог побриться налысо, чтобы скрыть таким образом то, что ему ненавистно. С этой незамысловатой прической отец ходил с юных лет. Когда его спрашивали: «Олег, ты кто? Брюнет или блондин?» – он, смеясь, отвечал, что седой. Таким вот образом с давних пор к папаше и прилипло это погоняло.

Лично мне часто бывало стыдно, что его, взрослого мужчину, моего отца, все кому не лень обзывают этой кличкой. Очень жаль, что для него это был признак близкой дружбы. Наивный, глупый, он никогда не мог отличить неуважение от дружбы, хотя эти понятия были так противоположны для любого нормального человека.

Так вот, Седой был очень странным типом. Странность эта проистекала, кажется, еще с юношеских лет, а может, и раньше. Я не могу точно сказать, ведь не была прямым свидетелем, знаю о его жизни до меня только по рассказам.

Мои бабушка и дедушка, кстати говоря, были весьма зажиточными приличными людьми. Во времена строящегося коммунизма дед был директором автотранспортного предприятия. Легко представить, сколько возможностей было у человека, занимавшего такой пост. Разумеется, дед пользовался своим положением. Сдается мне, что если бы не папаша, жили бы все припеваючи и по сей день. А что папаша? Да ничего, разве что разорил семью, чуть по миру не пустил. Очень уж бунтовал Седой в молодости. В молодые годы он был наглым и беспринципным мальчишкой-мажором, любил раскатать губу на чужих женщин, проигрывался дяденькам в карты, устраивал мордобои на дискотеках. Обо всем этом во взрослой жизни отец вспоминал с гордостью. Он думал, что ему все будет сходить с рук. А еще он так мстил: в нем играла ревность. У него был брат, дядя Витя, старший на десяток лет. Почему-то так сложилось, что дядя Витя стал любимым сыном, хотя обычно сюсюкают младшеньких, а старших пускают на самотек. Но в семье Коневых вышло все наоборот, что огорчило папу и привело к трагичным последствиям. Из-за своих отвратительных незаконных походов Конев младший нарывался на неприятности. Вытаскивал его из них дед с помощью немаленьких денег. Карточные долги серьезным дядям, изнасилование девчонок с ночных дискотек, угоны машин не у тех людей... Пришло время, когда платить было нечем. Однажды, когда у деда, кроме недвижимости и каких-то там акций, ничего не осталось, папа крупно встрял. Я точно не помню, какая конкретно это была история, что там была за причина, но чтобы непутевого сынка не убили, дед поехал с бандюгами и переоформил те самые акции, которые могли неплохо поддержать семью после развала Советского Союза. Когда уже и акций этих не стало, семья Коневых из уважаемой и обеспеченной превратилась в обыкновенную среднестатистическую. Можно представить, как обозлился на жизнь Седой, когда мой дед впервые отказал ему в покупке фирменных кроссовок. Но еще больше он обозлился, когда моя бабушка на покупку этих же кроссовок, но для дяди Вити деньги нашла. Да, к сожалению моего отца, дядя Витя был любимым сыном. Кто знает, наверное, причина в том, что он-то, в отличие от Седого, семью не обанкротил своими гулянками и дебошами. Но и с дядей Витей все было не так просто: у него была эпилепсия и большие проблемы с головой. Я, честно сказать, никогда не вникала, что

конкретно это было, знаю только про ужасные обострения, которые видела своими глазами, и про кучу лекарств, которые дядя Витя пил, сколько я себя помню. А вообще, ходят слухи (кстати, от моей мамы), что и у отца где-то тоже есть желтая справка.

В общем, с момента обнищания папа обиделся на жизнь, но любить ее не перестал. Он так же крутился с сомнительными типами, зазывал девок с ночных дискотек на съемные квартиры, пил, курил, даже пробовал что-то посерьезнее. Жениться он и не думал, долгосрочные романы не крутил. Все его отношения с девушками были мимолетными, основанными только на сексе. У моего отца была одна страшная черта: когда девушка соглашалась пойти к нему домой на попойку, по его мнению она обязана была отдаться, иначе папаша ее жестоко избивал, а потом все равно получал свое. Отец был уверен, что если баба идет в гости к мужику за выпивкой, она заранее готова к постели, иначе же она просто разводила, которая не хочет платить за алкоголь, а разводил надо наказывать. Женщин он бил жестоко, почти всегда безнаказанно, потому что обычно они были из тех, за кого некому заступиться. Для меня странно, что его никто и никогда не останавливал. Седой уверен был в верности своих суждений, в чем пытался убедить и свое окружение (типов с настолько низким уровнем морали, что им было просто плевать, кого их собутыльник бьет и имеет). Возможно, он просто знал, кого насилует, поэтому не боялся, будучи уверенным в своей безнаказанности, ведь папаша никогда не додумывался поднять руку, скажем, на ту же Настю, на ту же Вику, потому что знал, что головы ему тогда не снести.

Можно предположить, что такое отношение к женщинам имеет корни в его отношениях с собственной матерью. Те обиды, которые он возвращал в себе, на мою бабушку и своего брата устроили в его голове такую свалку на почве ревности и недолюбленности, которую он до самой смерти так и не разгреб. Гнев свой он выплескивал не только на посторонних женщин, зашедших в его квартиру. Больше всего он вымещал свою ненависть на родную мать. Лично я уверена, что наш мир сошел с ума, а подтверждение тому – никто ни разу не остановил этого монстра, когда он избивал на глазах у всех соседей мою бабушку, пожилую женщину, выбивая из нее пенсию. Такие случаи были нередки. Все ее тело покрывали большие гематомы, не успевавшие сходить: он то и дело ставил новые. Однажды Седой выбил бабушке зубы. Она долго не могла есть. А ведь до пенсии эта старушка была видным стоматологом, только вот в старости эта ее профессия не помогла ей ничем, даже в трудную минуту. С братом-инвалидом мой отец обращался точно также. Исключением, как самому Седому казалось, был мой дед. Седой всем кричал о любви к отцу и сам в нее верил. Однако, даже на него мой папашка смел поднять руку. В каком аду жили все члены этой семьи под предводительством сущего дьявола в лице Конева Олега... А ведь кто не видел всей той жути лично, не верил, что Седой, такой хороший мужик, мог творить все эти зверства, о которых жужжали в облаках слухов, разносившихся по нашему району.

Кстати, еще одна отличительная черта моего отца – он никогда не работал, до тех пор, пока не похоронил всю семью. Примечательно и то, что не работая, он умудрялся устраивать шумные попойки и яркие гулянки для всех желающих. А деньги он брал, грабя собственных родителей. Седой обирал их до копейки, пропивал все с толпами сомнительных товарищей и подруг, а потом сидел на воде из-под крана вместе с родителями и братом до следующей пенсии, ведь редко кто приносил ему кусок хлеба или копейку за пропитое.

Вот вам портрет моего отца в общих чертах. Думаю, можно приступать к истории, которая более тесно связана со мной. Папа и мама: как они знакомятся, общаются, сближаются, женятся, живут...

Как мне неоднократно рассказывал сам отец, Алина, моя мать, тогда была очень яркой женщиной. Да что говорить, она и сейчас, родив троих детей, будучи помотанной жизнью, продолжает оставаться эффектной. Так вот, Алина была самой красивой женщиной из всех, с кем моему отцу доводилось знаться. Жгучая брюнетка с хвостом густых волос, стройная,

как осина, с пышной грудью и тонкой талией, она восседала во главе стола, сверкая белоснежной улыбкой, обрамленной алыми губами. Ее длинные ноги украшали глянцевые ботфорты и короткая юбка. Мама была младше отца на добрый десяток лет. Я очень ее любила, восхищалась ее красотой, поэтому и отца понимаю в том, что он запал на нее окончательно и бесповоротно. Даже после развода он до последнего своего дня готов был принять ее назад, хотя прошло уже столько лет.

В кафе «Золотой теленок» отца тогда привел какой-то знакомый. Застолье было по поводу чьего-то юбилея. Знаю, что хозяин вечера был влюблен в Алину и считал ее своей женщиной. А она, вроде как, даже не протестовала, потому что мужик там был непростой и при деньгах. Отец его знал только по слухам, чужим рассказам, но так как он часто бывал залетным гостем на разных мероприятиях, то не посчитал неверным посетить и тот праздник. Юбиляр, к слову, был абсолютно не против нежданного гостя, на пьяной волне познакомился с ним и ввел в круг своих.

То, что папаша запал на маму, стало очевидно лично ей с первых секунд, потому что его выдал взгляд голодной дворняги, пускающей слюну на мясистую кость. Алина была не из обычных девиц, она жила жесткую и беспринципную жизнь, поэтому фатоватый мужчина в фирменной одежде, пускающий на нее слюни, заинтересовал ее довольно легко. К слову о жизни моей мамы: у нее тогда уже был сын, Сережа, которого она добровольно сдала в детский дом, потому что не считала возможным матери-одиночке вырастить ребенка достойно (нелепая отговорка); съемная комнатуха в коммуналке, куда она съехала от надзора своей строгой бабули; отсутствие постоянного заработка, вместо которого она перебивалась эпизодическими выходами на панель; и, как я уже сказала, потрясающая внешность – такой была моя мама.

Алина, как кошка во время течки, виляла хвостом перед папой, что не мог не заметить юбиляр. Мужчина очень разозлился от такого предательского поведения, даже приложился к неверной женщине. Ни она, ни гости не придали этому рукоприкладству особого значения, видимо, потому что это было обыденностью. Отца, к слову, серьезный именинник разгадал не сразу. Дело в том, что мой папаша умел отличиться трусостью там, где надо, поэтому на том празднике он держал себя в руках, и распознать его сигналы к вожделению могла лишь зоркая женщина, но никак не пьяные мужики.

Трусоватый и хитрый Седой выжидал наступления удобного момента. И выждал: Алина, под шафе шагающая на своих высоких каблуках, направилась к выходу, чтобы покурить на морозце и прийти в себя от выпитого. Все были отвлечены праздником, поэтому папаше легко удалось проскользнуть наружу за ней. У входа в «Золотой теленок» Седой нагнал мою мать, прикурил ей и начал открыто флиртовать, а Алина надменно и жадно принимала этот флирт, а потом предложила сбежать. Как я любила когда-то свою маму, как я ей восхищалась, этим эталоном красоты! Так вот и Седой полюбил ее тут же и потерял голову. Они не стали возвращаться за ее сумочкой и деньгами, прыгнули в такси и уехали в номера. Половое влечение побороло инстинкт самосохранения Седого, он забыл о возможных последствиях и соблазнился. Этот бритоголовый фронт никогда раньше не влюблялся. Да, первая любовь настигла его в 30+ лет, настигла и не отпустила до самой смерти. Так закрутился роман мамы с папой, в ходе которого появилась я. Но это позже, а пока они зависали на съемных квартирах, в гостиничных номерах, пили шампанское, ели виноград, и все это спонсировалось пенсией моих бабушки и бабушки. К слову сказать, Алину искали после этого вечера, но недолго. Ее бывший мужчина быстро оправился и нашел себе новую пассию, по слухам даже лучшую, чем прежняя, так что моим родителям повезло, могли ведь и не отделаться.

Помимо периодического посещения панели, пьянок и серьезных знакомых, у Алины были и другие скелеты в шкафу. Конечно, меня там не было, я знаю это все лишь по рассказам, и мне хотелось бы, чтобы все они были ложью, но говорят, что Алина еще и, хоть и неплотно, но сидела на игле. Папу и это не остановило. Он выбил из нее порывы к тому пристрастию.

Такова была причина его первого рукоприкладства к той, кто меня родила. Бедная, она тогда еще не знала, что избивать женщин для Седого обычное дело. Еще бы, ведь эта хитрая лысая бошка деловито оправдывала те побои благой целью. Тогда Алина еще не знала, что была не первой жертвой его избиений, не знала и того, что он бьет всех близких и слабых, в том числе родную мать. Кто знает, будь Алина в курсе, она бы, может, развернулась и ушла. Конечно, она узнала потом, но было уже поздно, потому что в паспорте стояли заветные штампы, а в животе росла я.

Гуляли они недолго, прежде чем женились. Кажется, пару месяцев. Уж слишком отец влюбился в мать, хотел ее присвоить окончательно, поэтому мысль о законном браке была для него очень даже привлекательной. Алина, желавшая жить в нормальной квартире, пусть и со свекорами, которых она тогда еще не знала; желавшая иметь статус замужней женщины, а не проститутки; желавшая... В общем, Алина недолго думая согласилась. Они расписались без платья и торжества, просто устроили небольшую попойку в кругу знакомых, а потом отец привел новоиспеченную жену в свой дом на Буровую, чтобы познакомить с семьей. Дедушка и бабушка слышали о свадьбе впервые. Они были в шоке от новости и от невестки. Молодая, в вызывающем наряде, Алина произвела на консервативных родителей не самое лучшее впечатление. Дед был весьма сдержанным мужчиной, поэтому не стал выставлять напоказ накатившее негодование. А бабушка (глупая, неужели тебе и без того было мало побоев) открыто показала свою неприязнь к Алине, за что пала в глазах отца в еще большую немилость.

Папа и мама поселились в самой большой комнате, которая раньше принадлежала дяде Вите, а его выгнали в каморку, больше похожую на чулан; взяли в кредит на деда большой кожаный диван, шкаф-купе, телевизор, стереосистему и начали наслаждаться совместной жизнью. Мама сразу почувствовала себя полноправной хозяйкой в доме. Бабушка старалась первое время выпроводить наглуемую невестку с кухни, но все ее кампании проваливались, натываясь на жесткий отцовский кулак.

Как же хорошо жилось молодоженам! Работать не надо, деньги, одежда, еда, алкоголь, сигареты – все это есть! Их время занимали тусовки, походы в гости, приглашение гостей к себе. Седой и Алина были любимцами всех пьющих и гулящих семей в округе! Сначала только семей, потому что первое время папа боялся звать в гости холостых друзей: не дай бог положат глаз на его возлюбленную жену, да и за ней он знал такую черту, как ветреность. Потом смешались все, ведь пьянка не имеет разбора и здравого смысла.

Есть люди с нестандартным мышлением. Это могут быть как гении, так и отбитые придурки. С гениями я, к сожалению, не встречалась, а вот второй вариант мне очень хорошо знаком. Нормальный человек никогда не поймет мотивов поступков, причин умозаключений таких вот индивидуумов. А этим индивидуумам, к слову, кажется, что все у них вполне логично. Таков и мой отец, поэтому родители его всегда ходили биты, деньги пропиты, а друзья-пьяницы сыты.

В конце лета мама начала чувствовать недомогание и тошноту. Это состояние отличалось от похмелья, и она быстро поняла, что к чему. Алина с негодованием вспомнила первую беременность и с досадой провела параллель с нынешними ощущениями. Задержка лишь усугубила неприязнь от ее уверенности в моем зарождении, а десятирублевый тест и вовсе разбил все ее надежды на беспечное прожигание ближайшего будущего в пух и прах. Мама не ждала меня, увы. Недовольная, с кислым лицом, изрыгающая брань, Алина пришла к отцу:

–Эй, Олег, у нас проблемы, – грубо сказала она вместо пожелания доброго утра.

–Какие? – отозвался отец.

–Кто-то вовремя не вытащил, – фыркнула она, падая на кожаный диван.

–Не понял, – Седой попытался напрячь мозги, но тщетно.

–Мы залетели, дурень! Не понял он! – гневно выпалила моя мать.

Седой немного помолчал, пытаясь осознать смысл ее фразы. Как только до него дошло, он заулыбался, засиял, а на глазах выступили слезы счастья. Жестокий, эгоистичный, прожигающий жизнь, как он мог быть так сильно рад появлению ребенка? Но Седой был намного глубже, чем казался на первый взгляд. Все его проблемы, страдания переживания крылись в самом сердце его подсознания, имели особенные причины, ведомые только их хозяину или, наверное, хорошему психиатру. Почему Седой был так рад мне? Все просто: он чувствовал одиночество, изо дня в день корябавшее его душу. Семья, любимая женщина, толпы друзей – это все было чужим. Никто не любил Олега по-настоящему. В моем рождении он видел свет надежды на любовь, которую потом никак не желал отпускать.

–Так это же прекрасно! – с чувством выдохнул отец.

–Пф, да ну! – негодовала она. – В мои планы такое не входило.

Седой все сидел, слушал, как громко и часто бьется его сердце. Ноги дрожали, руки вцепились в подлокотники. Он мог лишь улыбаться.

–Ой, Олег, – голос матери был все еще грубым и злым, – тебе сплехело что ли? Очнись уже и скажи что-нибудь!

–Да что сказать, Алин? Я так рад...

–Да к черту твою радость! – уже кричала она. – Делать-то что?!

–Не понял, – отец встряхнул головой, пытаясь вразуметь, что от него хочет взбешенная жена, – что еще с этим можно делать? Рожать!

–Да я не собираюсь рожать!

–Алин, – он улыбнулся придурковато, встал и двинулся к ней, – у тебя психоз из-за положения. Успокойся, не неси чушь. Родим! Еще как! У нас будет малыш! Или малышка. Всегда хотел девочку, кстати. Это же чудо!, – лепетал он, протягивая к жене руки, чтобы обнять.

–Да ты сдурел, старый?! – мама ударила его по рукам и вскочила. – Я не собираюсь рожать.

Папа прокрутил в голове ее слова еще раз. То, что до него дошло, очень сильно ему не понравилось. Ему глубоко за тридцать, они женаты, любят друг друга, есть жилье, доходы. Почему не рожать? Многие люди борются с бесплодием, в надежде завести ребеночка, а эта кошка залетела от первой осечки и хочет убить их дитя?! Невероятная глупость. Седой нахмурился, сдвинул брови и пристальным взглядом просверлил мою мать.

–Алина, ты хоть понимаешь, что сейчас говоришь?

Папа злился. Очень злился. А когда он злился, гнев владел им абсолютно. Каким бы ублюдком, подонком ни был мой отец, но ребенка он действительно хотел. Седой был четко уверен на тот момент, что дитя, которое родится у них, будет желанным, родным и дорогим. Он готов был дарить ребенку свою несуразную отцовскую любовь. В его душе давно теплилось родительское чувство, оставалось его лишь на кого-то выплеснуть. И, о счастье, мама приносит новость о том, что в ее животе расту я! Как это прекрасно! Но, подождите, еще она приносит новость, что я ей вовсе не нужна. На что это она намекает? И как ему жить с женщиной, которая плевать хотела на их совместный плод любви? В его душе было посеяно зерно ненависти к жене, такой же твари, как и его мать, которая никогда его не любила. Он не мог желать своему ребенку такой же участи. Надо было перевоспитать Алину, выбить эту дурь из ее головы.

–Аборт, – твердо произнесла эта женщина, – я говорю про аборт. Нужны деньги. Сегодня же поеду. Срок нормальный. Избавимся от него, – так холодно она говорила о своем ребенке, – и дело в шляпе.

Понимание накатывало на отца ледяной лавиной. Какое разочарование огрело его обухом по голове в тот момент! Эта женщина, которую он так горячо полюбил, хочет убить их ребенка! Мысли, слившиеся в его голове воедино, дорисовали картину целиком, и гнев овладел им.

– Да ты сдурела, тварь?! – Седой налетел на жену с неистовым криком, схватил за шею и прижал к стене. – Ты собралась убить нашего ребенка?! – орал он, забрызгивая слюной лицо Алины. – Иуда! Падаль! Я тебя на куски разорву! Убью!

В тот день мама впервые увидела истинного Седого, Конева Олега Дмитриевича, способного унижать, а может, и уничтожать своих родных. Но за дело, за дело ведь! Он тряс ее за грудки и кричал, бранился, обзывал последними словами. Глаза его, красные, как панцирь вареного рака, вылазили из орбит прямо на нее. Бедная Алина, испуганная, шокированная, не могла и слова вставить, а ведь обычно она была довольно бойкой. Алина, повидавшая жизнь, действительно ощущала страх, который не давал ей даже защититься от этого взбешенного зверя. И это только начало, он даже еще не ударил ее. Удивительно, что ни один из обитателей квартиры (бабушка, дедушка, дядя Витя) не пришел на крик и не заступился. Да, так было там принято: когда Седой занимался рукоприкладством, все в доме делали вид, что ничего не происходит. Часто, когда он бил мою маму, бабушка пряталась в туалете. Инстинкт самосохранения, приправленный психологической травмой, запикивал ее туда, в эту коробочку. Там старуха чувствовала себя в безопасности. Она никогда не лезла в скандалы сына с невесткой. Как и в тот раз. Да и надо оно, лезть под горячую руку, тем более, что жертвой в этот раз была ненавистная всем шалава Алина. А Седой все орал и орал благим матом, неспособный опомниться и прийти в себя. А Алина все стояла под его натиском у стены, не способная шевельнуться, только и могла, что хлопать глазами. Муж утих сам собой после нескольких минут истеричного гневного монолога. Весь красный, вспотевший, он молча сел на диван. Алина стояла там же, где супруг ее оставил, боясь шевельнуться. В комнате звенела тишина, такая жуткая, мерзкая.

– Аборта не будет, – жестко произнес мой отец ровным голосом, когда пришел наконец в себя.

– Я поняла, – тихо произнесла Алина, – аборта не будет.

– Не слышу, – грозно сказал ее муж, желая, чтобы она озвучила свое (его) решение четче.

– Аборта не будет, – чуть слышнее и ровнее повторила моя мать.

На том и успокоились.

В тот день Алина поняла, что Седой тот еще изверг, страшный человек. Она поняла, что его грубое, а часто и жестокое обращение с родной матерью является нормой и его прихотью; она поняла, что его поведение с родителями надо воспринимать не с гордостью на свой счет, а бояться его; она поняла, что за наркотики он ее бил не только ради излечения, но и ради развлечения. Она поняла все это и задумалась, а не развестись ли с ним. Человек, способный поднять руку на свою мать, любую другую присвоенную им себе женщину способен будет и вовсе убить. К черту истеричного муженька, ребенок ей тоже не нужен. Она молода, красива, способна устроить свою жизнь и получше. Алина думала об этом первое время, но очень скоро эти мысли покинули ее, ведь часто так бывает: после ссоры, драки мы хотим бросить все, принять роковое решение, но проходят минуты, часы, дни, месяцы, и мы успокаиваемся, оставляя все как есть. Делая это из раза в раз, мы привыкаем. Так можно говорить о мелочах, подобных пустяковым ссорам из-за разбросанных носков, а можно говорить и о более серьезных вещах, таких, например, как домашнее насилие.

После этого скандала чувства обоих моих родителей друг к другу остыли. Мать поняла, что вышла замуж за безумного тирана, которого и не любила вовсе. Отец понял, что женщина, способная убить его ребенка – просто тварь, а с тварями надо обращаться соответствующе, ведь твари, они не люди, а животные. Постепенное нарастание ненависти друг к другу свело на нет всю ту прежнюю страсть, в которой они купались. Мать стала более грубой в своих обращениях к Седому. Отец стал наплеватьски относиться к Алине. Но они оба старались не переступать ту страшную черту, которая могла привести к диким последствиям, к неконтролируемому взрыву Седого.

Шло время, мои родители поуспокоились, но нежность в их отношении уже так и не вернулась. Особенно холодна была мама. Она разлюбила мужа. А вот отец мой продолжал ее любить, только теперь уже любовью жестокосердной, словно тиран, заперший в клетке женщину, не поддающуюся его воле. Нет, его жена не была жертвой, хотя до статуса жертвы было рукой подать, но пока оба держались. Беременность положительно повлияла на образ их жизни на какое-то время: отец, переживавший за мое здоровье, прекратил попойки. Не сказать, что мама была довольна таким положением дел, но возникать не решалась. Друзья тоже хмурились, получая отказы, но не спорили. Квартиру 37, ставшую тихой и приличной, никто не узнавал, соседи радовались за семейную пару и стариков Коневых.

Такое благополучие продлилось до конца ноября. Все испортил день рождения моей матери. Отец, поутихший в своей ненависти к бездушной жене, за несколько месяцев сумел придать немного былой нежности и прошлого восторга своим чувствам к ней. Ее поспешное решение сделать аборт отошло временно на второй план, передний же план отцовского восприятия Алины занимал ее статус будущей матери. Он все больше и больше окунался в мысль о том, что эта женщина, прекрасная и юная, носит его дитя в своей утробе. Одурманенный этой идеей, он вернулся временно в процесс боготворения Алины. Было твердо решено отметить ее день рождения по всем правилам: стол, гости, еда, алкоголь, музыка. Бывшие собутельники Олега были неописуемо рады возможности наконец выпить за его счет. Накрыли стол. Пришли четыре семейные пары, которые были завсегдатаями жилища Коневых. Алина была рада не меньше гостей, потому что очень соскучилась по пьянкам, так умело расслаблявшим и лечившим расшатанные нервы. Какое еще развлечение могут придумать себе заурядные жители спального района среднестатистического российского городишки, кроме попойки? На курорты у таких семей денег нет, а до театров и выставок такие люди душой своей и умом не доросли. Вот и развлекаются, как позволяет бюджет и воспринимает мозг.

Отец накупил целую гору продуктов, из которых Алина должна была соорудить праздничный стол, и еще гору бутылок с различной дешевой выпивкой. С самого вечера мама корпела над готовкой. Она была так воодушевлена тем, что в свой день, наконец сможет нажраться... Нет, не салатов, а водки, которую будет запивать пивом. Ура!

В обед начался праздник. Пришли гости. Алена и Слава, лучшие друзья моих родителей, пришли первыми. Они жили в соседнем подъезде. Не самый лучший вариант взрослых, как по мне. Алена была старше своего мужа на десяток лет. Кондуктор трамвая, любившая выпить, она выглядела не на свои тридцать шесть, а на полтинник. Слава на ее фоне смотрелся сыном, а не мужем. Как эта страхолюдина умудрилась вцепить молодого красавца, понять не мог никто. Они жили у Алены. На их шее сидел ее сын от первого брака и лежала престарелая бабка, выжившая из ума. В их квартире воняло испражнениями и дешевым табаком. Муж Алены, к слову, не работал, но доходы их семьи считал общими. Если бы не пенсия той самой бабки, они бы все пошли по миру, ведь на зарплату кондуктора не проживешь, особенно учитывая то, что недавно Алена родила Кристину, в которой Слава души не чаял. Лучшие друзья подарили маме пятьсот рублей, расцеловали ее и пошли к столу.

Сразу за ними подтянулись еще двое: Ирка Грачевская с мужем Димой. Эти жили неподалеку в разваливающемся частном доме. Их семейную идиллию никто не тревожил, жили они вдвоем. Пара эта состоялась, кстати, совсем незадолго до маминого дня рождения. Раньше Ирка была женой Иволгина, которого в тот день не пригласили. С Иволгиным она жила через улицу у его родителей, зажиточных людей, между прочим. Также недавно она родила дочку Стешу, а потом влюбилась в Димана, развелась и моментально взяла его фамилию. У Димана к сорока годам детей не было, он и не хотел, поэтому Стешу мать оставила в семье Иволгиных, ну ей там и лучше. Ирка и Диман тоже подарили маме пятьсот рублей, кучу пожеланий и пошли за стол хвататься за штрафную.

Потом пришел Давид по кличке Чепуха со своей женой Лизой. Семья их была куда хуже нашей, а ребенок их рос в еще более отвратительных условиях. Наверное, на этой почве мы и дружили: два оборванца, маленьких голодных рта, которым надо было обо что-то греться. Ну об этом потом, ведь Ваню пока не родился. Семейство это представляло собой грузинскую чету низших слоев. Точнее, Давид был большеносый грузином, отсидевшим больше половины жизни за разбой, а Лиза – русская баба, которую он подцепил после очередного освобождения на какой-то вписке. Бесправная бесхребетная Лиза подчинялась суровому мужу-самодуру и с завидным артистизмом играла роль послушной грузинской жены. Те подарили маме банку соленых огурцов.

Последними пришли соседи по лестничной клетке, единственные приличные люди. Они заскочили из-за прежнего уважения к родителям Олега, подарили Алине целую тысячу, посидели совсем немного и ушли.

Скажите, стоил ли весь стол, на который Седой угрохал кучу денег, двух пятисоток и трехлитровой банки огурцов?

Все эти четыре семьи, о которых я рассказала, сопровождали Седого на протяжении всей моей жизни. У него было много знакомых, проходящих и уходящих, но эти фигурировали в его жизни всегда. Кто-то делал нам добро(соседи по лестничной площадке), а кто-то плохо (все остальные).

Основная гулянка началась, когда ушла приличная семья. Опытные пьяницы могли себя уже больше ни в чем не ограничивать. Водка полилась рекой, пиво тоже. Мама, как и планировала, запивала белую пенным, отчего чувствовала себя превосходно, как ей самой же и казалось. Бабы почти не ели, зато мужики (особенно муж Грачевской и Чепуха) с жадностью сметали все салаты, попадавшие в их поле зрения. Алкогольное опьянение не заставило себя ждать, поэтому к вечеру все уже были хороши. Настолько хороши, что папа достал микрофон для караоке, который успел запылиться за время беременности моей матери. Да, все были пьяны и веселы, пели блатняк, разносившийся на все пять этажей нашего панельного дома, звенели, чокаясь, полными рюмками, ржали и визжали, как грязные свиньи. Как это часто бывало на попойках в доме моего отца, ночью явились незваные гости в лице представителей правопорядка, потому что озлобленные соседи уже не могли терпеть всей той гурьбы, творившейся в нашей квартире.

Каково человеку, непомерно любящему алкоголь, завязывать с его употреблением на такой долгий срок? Само собой, это трудное испытание. И мама, и папа раньше не ограничивали себя в употреблении любимого спиртного, поэтому сухой закон, который ввел мой отец по причине зачатия меня любимой, оказался тяжелым испытанием для семейной пары. Никто не предполагал, что прервать это испытание ради празднования дня рождения Алины будет означать завершить его. Очень сложно пьющему человеку, живущему в режиме сухого закона, сорвавшись, не начать пить вновь. День рождения мамы стал срывом. Понятно, что ни мать моя, ни отец не считали себя зависимыми от бутылки. Но они были зависимыми, пусть и не в конечной стадии, как алкаши, пропивающие последнее, с разлагающимися органами и сморщенными лицами. Но ведь были же! Эта зависимость взяла верх снова после дня рождения Алины. Супруги пустились во все тяжкие.

Родители мои проснулись к обеду в комнате, смердящей дешевым табаком, перегаром и грязными носками. К такому зловонию им было не привыкать, потому оно их не смущало. Моя мать проснулась первая, замученная жаждой. Ох уж этот подлый сушняк... Ее голова была настолько тяжелой, что Алина была не в силах встать с дивана. Она растолкала мужа, чтоб тот принес стакан воды. Седой чувствовал себя чуть лучше, поэтому не отказал жене. Он налил ей воды из-под крана и стыдливо заметил, что самочувствие у него ужасное, как, видимо, и у нее.

– Да, – согласилась Алина, – не мешало бы похмелиться.

– Ну, – хмуро возразил Олег, – завязывай. Мы ребеночка ждем.

Седой все еще не забыл, что у него будет ребенок. Но его праведные намерения разбились о слабую волю и случай: как на зло зазвонил телефон и обломал все папины планы на возобновление праведной жизни.

–Эй, Седой, – хрипел в трубку Чепуха, – как ты там? Не хочешь похмелиться?

Папаша замялся. Он и хотел, и боялся. Седой знал, что если согласится поправить здоровье, то Алина тоже последует его примеру. Пока отец размышлял, что же делать, Алина вырвала у него трубку и решила все сама:

–Чепуха, здорова, бери свою мадам, и приходите сюда.

Папа хотел было возразить, но не стал, потому что слишком сильно было его желание поправиться. Алкогольная зависимость взяла верх над будущими родителями.

–Эх, какая! – засмеялся в трубку веселый грузин. – У нас спирт. Будете?

–Будем, – ответила мама.

На том и порешали. Отец лишь безвольно промолчал, хотя и мог все это остановить. Так и понеслась карусель пьянства во время беременности.

Мама пила спирт с Давидом и его женой и даже не морщилась, с удовольствием запиная его дешевым лимонадом. Седой тоже не отставал. Эти четверо беспринципных ублюдков любому нормальному человеку показались бы жалкими тварями, свиньями, но мне, к сожалению, довелось родиться и расти именно в таком окружении.

Хороша картина: беременная баба распивает спирт, муж ее в этом поддерживает, гости подливают. Не кажется ли вам, что это абсурд? Ни один нормальный человек не останется равнодушным, глядя на женщину, убивающую свой плод спиртом, и на людей, ее окружающих, которые этот плод добивают. Но те, кто был тогда вместе с мамой в комнате, люди абсолютно ненормальные.

В общем, время шло, я росла в животе, не подозревая о том, что меня ждет там, снаружи, а папа и мама возобновили свои гулянки, казалось, забыв о моем грядущем появлении. Мои родители слабые люди, неспособные бороться со своими пороками. Зеленый змей поборол их, и ничто разумное не могло вернуть эту парочку в реальность. Я продолжаю утверждать, что отец любил меня с момента зачатия и до самой своей смерти, несмотря на то, что позволял разрушать меня, находившуюся в утробе матери. Я продолжаю это утверждать, потому что знаю, что говорю правду, просто слабости моего папы оказались сильнее его любви ко мне.

Под натиском алкоголя рассудок сдавал позиции, покидал отца. А тот и не замечал этого. Алкогольный психоз становился все более возможным. Похмельный синдром все чаще лишал Седого самообладания. Где-то внутри он понимал, что происходящее в корне неверно, что невозможно родителям в ожидании чуда пороть так беспросветно и люто. Он понимал все это, но не хотел признать своей вины, поэтому втайне ненавидел с каждым днем все больше мою мать, считая, что лишь она является причиной этого отвратительного запоя. Ох уж эта черта Седого винить во всех бедах кого угодно, кроме себя любимого. Эта особенность, присущая трусам, отравляла жизнь как самому ее носителю, так и его близким людям. Захлебываясь в своей слабости, он злился, что не может ничего изменить, а злость надо было выплескивать.

И почему старость вызывает жалость? Из-за уважения? Из-за немогущности? Старый человек прожил долгую жизнь, видел больше – у меня это вызывает зависть, ведь старик получил в жизни гораздо больше меня. В моей семье не было уважения к старикам, не было жалости, поэтому я этого не понимала. В нормальных семьях старость жалеют, уважают, берегут априори. А я не видела с рождения, что подобное выражать к пожилым людям должно, поэтому я задавалась вопросами, за что и почему мне следует уважать и жалеть своих седых и дряблых предков, ведь именно такое воспитание вкладывалось в меня в малолетстве. Из семьи я вынесла лишь грязь. Только с годами другим институтам удалось вложить в мою рыжую голову что-то другое и изменить взгляды на жизнь. Сейчас я хотя бы не считаю, что стариков нужно унижать и презирать. Сейчас мне хотя бы все равно. Не вините меня. Еще в утробе матери я

впитывала жестокость по отношению к старым людям. Моя бедная бабушка стала получать в разы больше тумачков в то время. Мой любимый деда Митя все чаще рыдал от страха перед разъяренным сыном. Первое время Седой не решался поднимать руку на Алину, потому что все еще помнил, что она носит в своем животе меня, но позже гнев все же смог поработить остатки его сознания, окунуть в беспамятство и заставить мстить предательнице жене за то, что они вместе подвергают их ребенка риску. Седой начал бить и мою мать.

Впервые она получила во время беременности, когда пошла все к тому же Чепухе ранним утром похмеляться. С Нового года мои родители загуляли, забыв о необходимости просыхать хотя бы временно. Числа третьего-четвертого мама проснулась с чугунной головой, в которой звоном отдавалась похмельная боль, и обнаружила, что в холодильнике нет абсолютно ничего: ни алкоголя для подкрепления здоровья, ни еды для беременной женщины. Будить отца она не стала, потому что он настолько опостылел ей, что возможность хотя бы какое-то время провести вне его влияния казалась ей счастьем. Вместо этого она созвонилась с Чепухой, с которой успела тесно сдружиться. Да, старый бывалый Чепуха проникся к беременной молодой Алине. Он считал ее за дочь, которой ему так не хватало. Дело в том, что этот бездушный сиделец когда-то был даже женат, у него была маленькая чернобровая дочурка, в которой он души не чаял, но ее мать (мудрая женщина) оградила свое чадо от такого нерадивого отца. Чепуха скучал по ней, но как и у всех остальных падших лицемерных людей, тоска его была насквозь фальшивой, выставяемой на всеобщее обозрение самыми показушными методами, чтобы поплакаться и получить порцию жалости в свой адрес, которой так часто не хватает обитателям синих ям. Так вот, Алине было примерно столько же лет, сколько дочери Чепухи, которую он давно не видел. Грузин относился к моей матери с большим теплом и поддержкой, той поддержкой, какую обычно могли оказать люди его сорта: опохмелить, угостить сигареткой, даже если она последняя, побыть собутыльником и даже предоставить ночлег в трудную минуту. Медвежья услуга, не так ли? Это для нас с вами так, а для им подобным это была самая настоящая помощь. В то утро мама пошла за очередной порцией такой вот свойской поддержки. С большим удовольствием она расположилась на кухне Чепухи в компании хозяина и его жены. Тетя Лиза тоже любила маму. Пьянка сближает. Алина сидела на задымленной кухне с пузом и запивала водой спирт, который Чепуха обычно покупал в частном секторе напротив их дома у местного барыги. Мама, ты же убийца... Правда. Я выжила. А если нет? Она ведь могла меня убить.

Пока мама наслаждалась обществом друзей, в соседнем доме проснулся папа. Как ни странно, он чувствовал себя не так плохо, попил воды из-под крана, умыл опухшую рожу и вдруг вспомнил, что чего-то не хватает. Кого-то. Жены. Он сел, нахмурился и набрал ее номер телефона. Она не брала. Ой, зря... Отец сильно разозлился. Эта шалава оставила его, так еще и трубку не берет? Каково! Нет, эту сука надо наказать. У отца зачесались кулаки, гнев норовил вырваться наружу. Когда Седой позвонил второй раз, мама сразу взяла трубку, но было поздно, потому что отца уже было не остановить.

– Где ты шляешься?! – кричал Седой в трубку.

– Ты что, опух? – парировала Алина. – Чего разорался, старый? – нагубила она. Старым Алина его называла, когда он ее раздражал, чтобы ущемить остатки мужнины в нем. – Я у Чепухи. Чего ты там себе надумал?

– Да мне наплевать, у кого ты там! – орал он, не желая успокаиваться. – Домой!

– Ну уж нет, – отказалась мать, – пока не успокоишься, я не приду. Мне и тут неплохо сидится.

– Олег, – перебил разговор Чепуха, выхватив трубку у мамы из рук, – ты чего разорался? Она ж у нас. Все хорошо. Приходи и ты. Мы тут сидим, отдыхаем.

– Домой, я сказал! Домой! – не унимался отец.

– Я не пойду! – крикнула в трубку мама, отняв ее назад, и сбросила звонок.

–Ну ты даешь, Алинка, – вздохнул обеспокоенный грузин. – Не зря?

Моя мама тогда рассмеялась и сказала:

–А ты мне на что? Не защитишь?

–Ну, – Давид пожал плечами, – защитить-то не проблема. Но зачем ругани лишние.

–Раз защитишь, – отмахнулась мама, – то не гони. Налей лучше. Выпьем.

Пока мама в компании друзей продолжала безмятежно отдыхать, отец оделся, наполнился злостью до самых краев и двинулся в их сторону. Громкий стук напугал веселую тройцу – это отец тарабанил в дверь руками и ногами. Обитатели прокуренной кухни напряглись.

–Олег, – пояснила мать.

–Догадался, – сказал Чепуха, – пойду открывать.

Грузин впустил Седого, а тот, даже не поздоровавшись с хозяином, тайфуном влетел внутрь и набросился на жену. Он схватил Алину за волосы и стал мотылять за черный густой хвост. Как он орал... Что он орал... За что он орал? Он же сам позволил все эти пьянки. Да и в то утро ничего сверхъестественного не случилось, рядовая ситуация. Но мой папаша неконтролируемый псих, поэтому сорвался. Давид, обещавший заступиться за маму, остался в стороне как истинный трус. Только Лиза встала между ними, что смогло немного успокоить моего разъяренного отца. Женщины часто бывают смелее и отчаяннее мужчин, вот и в семье Чепухи было так. Грузин обычно с легкостью быковал на свою жену, а вот с мужиками старался не связываться. В тот день благодаря усилиям тети Лизы особых побоев не было.

А вот через неделю случилась ситуация пострашнее. Мама стояла возле подъезда и курила с Ирккой Грачевской. Ирка ждала мужа с работы, а Алина составляла ей компанию. Димка приехал с напарником. Они подкатили на десятке Грачевской и вышли поздороваться. Муж Грачевской приволок с собой того залетного, чтобы вместе с ним пропить заработанный калым, а Иринка была только за.

Несмотря на положение, Алина была уже на приличном сроке, но таким беспринципным парням, как напарник Грачевского, плевать на то, беременная баба или хромая: если есть вариант ей воткнуть, то можно и флиртануть. Алина всегда была шалавистой бабенкой, как иногда любя говорил о ней отец, поэтому с радостью отвечала флиртом на флирт, само собой, когда Седой не видел. Но Седой увидел. Это все происходило под нашим балконом. Когда отец глянул в окно и заметил, что Дима подкатил не один, а с каким-то вертлявым сосунком, он вышел на балкон и открыл форточку, стал слушать. Мамин бойкий смех и громкие комплименты залетного мгновенно разозлили Седого. Он выскочил на улицу. Его сильная мужская рука схватила жену, не ожидавшую такого поворота, за голову и с силой ударила о дом. Залетный хотел было вступить, но Грачевские остановили его, трое прыгнули в машину и уехали, а мама осталась валяться в страхе на снежной куче в палисаднике. Тогда Алина получила сотрясение мозга. Она долго отходила от этого удара, падала в обмороки, висела над унитазом, измученная тошнотой, глотала горстями обезболивающие таблетки. Стыдно не было никому из моих родителей. Каждый искренне считал себя правым.

Еще раз он взбесился, когда в порыве ссоры мама сбежала из дома. Он несколько дней не видел ее, был в неведении, куда делась его жена, где ночует, с кем спит. А потом она явилась. В разъяренном забвении Седой избил Алину, не думая о последствиях. То был конец января, пузо ее было уже очень большим, и сложно было не попасть по нему. Я, такая маленькая и беззащитная, уже терпела сильные удары отца, находясь в утробе матери. Удивительная штука этот жребий жизни: благополучные семьи борются, стараются, отдают все силы, чтобы завести детей, лечатся, используют все мыслимые и немыслимые методы, но у них ничего не получается; а такие вот беззаботные алкоголики, плюющие на все, плодятся, как кролики, и все им ни по чем, ни побои, ни спирт, ни табак, да вообще ничего. Ну разве это справедливо? А детям как быть? Жребий судьбы так часто обрекает безвинное дитя родиться в такой вот неблагополучной семье и жить в мучениях и страданиях, ломающих детскую психику; зато людей, кото-

рые могли бы быть прекрасными родителями, обрекает на бесплодие. Мне искренне жаль, что я родилась в такой вот семье. И не надо говорить, что надо довольствоваться тем, что есть, что могло быть даже хуже. К черту! Я ненавижу все, в чем я возилась все свое детство! Я имею на это право! И никто меня не переубедит.

Примерно в таких чертах происходило мое развитие: дешевый алкоголь, сигареты, побои... А потом я родилась.

Это было ледяное время, похожее на то, в которое похоронили отца. Тоже февраль. Конец февраля. Родилась я слабой, выходила на свет долго, мать прокляла все и вся, пока меня рожала. Встречали ее из роддома верные друзья Лиза и Чепуха и мой отец. Дедушка и бабушка и знать меня тогда не хотели, поэтому даже не поздравили моих родителей с появлением долгожданного дитя.

Что такое семья? Для кого-то это святое место с теплым чаем и любимыми родителями. Еще семьи бывают «для приличия»: там отношения основаны лишь на том, как должно быть, вся любовь там фальшива, а сама эта ячейка общества построена в угоду мнению социума. Иногда семья может быть такой: все друг другу чужие, ненавидят друг друга, презирают, воюют за наследство. Еще семья бывает такой, как у меня... Когда я родилась, в нашей ячейке уже сформировались определенные отношения, они были ужасны. И в этом мусоре мне предстояло расти. Мусор этот менялся, отходы со временем перегнивали, появлялись новые, но суть того, что я расту в духовных помоях, оставалась всегда одной.

Отмечали мой день рождения после выписки из роддома долго и громко. Странно, хотя это и был праздник в мою честь, но до меня особо не было никому дела. Пришли все те же, кто был на дне рождения Алины. Соседи, как и до этого, ушли быстро, оставив после себя в подарок розовый комбинезончик для новорожденной девочки. Остальные три семьи и не думали поздравлять меня с появлением на свет, они поздравляли моих родителей, напиваясь за счет пенсии дедушки. Три дня, кажется, шел этот пир горой. Я постоянно кричала, голодная и обоссанная.

Оглядываясь назад, я недоумеваю, какого черта эту парочку так и не лишили родительских прав? Хотя... В моей истории будет много вопросов к власти имущим. Но этот, наверное, главный. Не то чтобы я хотела... Просто странно.

Я сильно раздражала мать, пока была грудным ребенком, а мать раздражала отца. Я раздражала, потому что много плакала, а мать раздражала, потому что не могла меня успокоить. Седой все чаще стал поколачивать жену. Мне жалко маму, правда, но мне кажется, что Алине на самом деле нравилось такое обращение.

Я все еще уверена, что отец всегда меня любил. Я обманываюсь, наверное, потому что любящий отец вряд ли будет пропивать деньги, предназначенные на смеси и ползунки своему малышу. А еще лекарства, которые нужны были, потому что я много болела. Мой педиатр Иван Иванович говорил маме, что я болею гораздо чаще и сильнее, чем среднестатистический ребенок. Но на мое здоровье клали болт.

А я продолжаю утверждать, что отец меня любил. Никто и никогда не переубедит меня в этом, потому что мне плевать на здравый смысл, когда дело касается этого вопроса. Ну как вы не поймете?! Я ребенок, который столько страдал... Не отнимайте у меня хотя бы надежду на ту любовь. Отец меня любил. Просто своей особой любовью.

У отца все мировосприятие было необычным, ненормальным. Его образ чувств тоже был из ряда вон. Как странно он любил меня, так же странно он любил и мою маму. Несмотря на всю проявленную к ней жестокость, он обожал ее, болел ей, и этого моего знания не сможет опровергнуть никто. Сколько раз я слышала, как он называл ее малышом от всего сердца. Все дивились, с какой нежностью Седой произносил это романтическое прозвище. Да, он любил ее. По-своему. Его любовь чередовала ту облачную нежность со звериной злобой. «Малыш, – говорил он, виновато поглаживая маму по голове, – прости, я не рассчитал, бил слишком сильно».

Эти извинения звучали так сладко, и мама прощала. Забавно, однако, что вину он действительно чувствовал, но не за сами побои, а за их чрезмерность. В том, что избиение было, уверялся отец, он несомненно прав. А мама, уже привыкшая, даже не спорила. Вот в таком мире абсурда мы и жили. Когда-то, несколько веков тому назад, муж, колотивший жену, являлся нормой в обществе. Когда-то это не было абсурдом. Но в наши дни это дикость! Общество давно эволюционировало до той стадии, на которой мужчине бить женщину постыдно и наказуемо. Но моего отца, который выбивался из уровня развития общества, мало кто стыдил и уж точно никто не наказывал, что придавало краскам моего мира еще больше дикости и бредовых оттенков.

Способность всю свою злость на себя за свои ошибки переносить на невинных окружающих – верный признак тщеславия. Мой отец был очень тщеславен. Особенно до тех пор, пока не скатился в яму безнадёги. А моя мама, его беспомощные родители, брат с группой инвалидности – все это инструменты воплощения его тщеславия.

Иногда я жалела Алину, но чаще мне были безразличны гематомы на ее теле. Я циничная и бесчувственная тварь? Возможно. Если кто-то скажет мне это в лицо, я просто пожму плечами и буду жить дальше, забыв о случившемся в ту же секунду. Я не жалею никого, потому что я должна жалеть саму себя. Кто еще, кроме меня, это сделает? Странно, но люди, видевшие, как протекает моя жизнь, если и помогали, то настолько поверхностно, что это почти не ощущалось, а надо было трубить во все рога о происходящем в притоне Седого. Общество? Да ну! Я плюю на общество точно так же, как и оно на меня. И я не жалею свою мать. Во-первых, она всегда была строгой и холодной и никогда не жалела меня. А во-вторых, она сама была вольна выбирать образ жизни. Люди-жертвы по внутренней природе своей привыкли к состоянию бичевания. Там, где нормальный человек взорвется, уйдет, ответит, люди-жертвы будут покорно терпеть и жить как ни в чем не бывало. Жены, которых бьют из раза в раз – это и есть типичные люди-жертвы. Нечего их жалеть, некоторым из них это даже нравится. Нормальная хотя бы разведется и уйдет. А жертву и имеющееся положение дел устраивает. Так зачем дарить ей свое сострадание? Она в нем не нуждается. Если бы ей требовалась помощь, она бы о ней просила. Сострадание можно дарить в комплекте с помощью, в противном случае от него нет никакого толка. А жертвам помощь не нужна, так и на чувства тогда нечего тратить. Побои – это их привычный образ жизни, ими же и выбранный, поэтому не стоит их жалеть; жалеть надо тех, кто этого заслуживает, кто в этом нуждается: нормальных. Жалеть и предлагать им помощь. Но мою маму жалеть не надо.

Мама... Такое важное слово в жизни каждого, но в моем сознании оно так похабно и мерзко, потому что мой пример этого слова был именно таким. Алина, несмотря на то, что была молодой мамой, совсем не подходила внешне этому статусу. Она, уделяя мне так мало внимания, могла позволить выглядеть себе очень хорошо. Привычный ее образ не изменился. Она не променяла на воспитание ребенка мини-юбки, ботфорты и алую помаду. Все завидовали Седому, еще бы, такая жена, горячая штучка. Седой гордился. К моему глубокому сожалению, гордость эта была ему важнее, чем то, как росла родная дочь. Разумеется, отец мог грозным кулаком заставить Алину уделять мне чуть больше времени, но он был так одурманен комплиментами, которые ему источали все знакомые по поводу красавицы-жены, что даже и не думал о том, что я, возможно, не доедаю. А ведь это так страшно, когда грудничок не получает свое.

Алина тоже гордилась. Собой. Брак и рождение дочери не выбили из нее всей дури. Как была она вертихвосткой, так и осталась. Она грешила со страшной силой. Началось это через месяца три после моего рождения, когда фигура ее приобрела божеский вид. Любую возможность вильнуть хвостом Алина использовала. А гордилась она тем, какое восхищение выражают мужчины, которым эта грязная шалава отдается, пока ее муж качает колыбель их маленькой дочки. Немудрено, что она с такой легкостью прыгала по чужим постелям, ведь когда-то раздвинутые ноги даже приносили ей доход, поэтому чувство морали и стыда было напрочь

стерто из мировосприятия Алины. Как она умудрялась гулять, если мой отец был так тоталитарен? Очень просто: Алину прикрывала жена Чепухи, которая и знать не знала, что подруга ее гуляет по кабелям, как течная сука. Алина врала тете Лизе, что надо съездить в приют к сыну, что надо поискать работу, что.... А тетя Лиза верила и, так как мать убеждала ту, что Седой ей всего этого не разрешает, становилась соучастницей греха Алины. Само собой, это случалось не каждый день, но случалось.

У отца был сложный период. Нормальному человеку это покажется смешным, но только не Седому: сложность заключалась в том, что Седой разрывался между компаниями старых добрых друзей с выпивкой и ухаживанием за маленькой дочерью. Часто он старался совмещать, но тогда второй пункт выполнялся через одно место, хотя выполнялся ли он вообще...

Дедушка и бабушка постепенно сменили гнев на милость. Я не укоряю их за нелюбовь, испытываемую ко мне изначально. Хоть это и пожилые люди, которым полагается быть мудрыми, родители Седого были слишком запуганы, что и мешало им руководствоваться здравым смыслом. Мне, даже еще ничего не соображающей, просто необходима была женская ласка, и я очень рада, что бабушка все же стала проявлять заботу ввиду частого отсутствия моей матери, которая бухала то на чьей-то хате, то дома с отцом у моей кровати. Чувства бабушки были умеренными, на любовь не походили. Бабушка меня не любила, потому что я была дочерью своей матери и воплощением своего отца, только женского пола, как виделось этой несчастной старухе. А вот дедушка растаял. Он действительно полюбил меня, души во мне не чаял, стал потихоньку откладывать деньги с пенсии мне на подарки. Алина имела какой-то материнский инстинкт, хоть и слабый, поэтому дедушка доверял ей, а она не подводила. Да, мама покупала мне что-то с тех денег, которые копил дед. Покупала честно, на всю сумму. Отец об этом не знал. Маме приходилось врать, что это с ее заработанных, чтобы прикрыть деда, который боялся прогневать родного сына, ведь никто не знал, что на уме у Олега. Вопреки страху, дедушка любил меня, а когда моя голова начала что-то соображать, выяснилось, что я тоже очень люблю своего деда. Кто знает, может, потому что у него были деньги? Отец, наверное, любил его по той же причине. Но я не уверена в верности такого суждения, я уверена лишь в том, что дедушка был дорог моему сердцу. Мы с дедушкой часто беседовали: он сажал меня на колени, гладил по голове трясушейся рукой и рассказывал мудрые и полезные истории, замаскированные сказками. Мы часто проводили время вместе. Отец был рад такому положению дел. Позже, когда дедушка умер, фотография, где я сидела на коленях у деда, стала чуть ли не главной гордостью Седого. Он часто проливал над ней слезы, побитый водкой и одиночеством.

Дом мой походил на зверинец, в котором человек человеку волк. Дед кроил деньги в тайне, бабка опасалась родного сына, дядя мой скрывался в своем темном углу, боясь нападения безумного младшего брата, мать гуляла, как самка, отец рвал всех, словно дикий голодный пес. И во всем этом сумбурном зоопарке росла я, запуганная крольчиха, которую со временем жизнь вынудила стать хитрой лисой, а потом и злой волчицей.

Очень долго гости в нашем доме оставались неизменными, все те же три семьи. Редко навещался кто-то другой. Иногда заскакивали и женщины. Не стоит думать, что мой отец был несчастным рогиносцем. У моих родителей это было взаимно. Часто в отсутствие матери приходили местные бабенки, чтобы попить пивка, послушать музыку, пообщаться. Законченных синюх отец к себе не водил, ограничивался середнячком этого дна. Женщин, приходивших на попойку, к слову, я не смущала. Чужие дети никому не интересны, поэтому на большом кожаном диване напротив моей кровати нередко творился пьяный грязный секс, пока мамы не было дома, а я спала, и срать все на меня хотели.

Со временем я привыкла к шуму громкой музыки, к крикам, даже стала спокойно спать под весь кутеж, ставший для меня обыденностью. Гости сначала нередко удивлялись тому, как ребенок пары-тройки лет отроду спокойно спит, пока отец в микрофон горланит песни Scorpions и Арии. Да, они удивлялись, но мало кому приходило в голову останавливать разго-

ряченного Седого, чтобы дать мне тишины. У меня же не было другого выбора: если я хочу спать, то надо приспособливаться, потому что мои желания в этом притоне на Буровой никого не волновали. Когда я была совсем маленькой, я подолгу плакала, это раздражало моих родителей, и они закрывали меня в комнате бабушки и дедушки. Там, к слову, было не намного тише, ведь стены панельных домов такие картонные. Со временем я училась говорить. Когда мне было около трех лет, я пробовала несколько раз коряво просить родителей разогнать всех, прекратить орать, пить, потому что в мою маленькую голову уже постепенно втесалась мысль о том, что все, происходящее в моем жилище, в корне неправильно. Мои попытки продлились недолго, так как пьяный отец раздражался на них и громко орал, брызгая вонючей слюной в мое детское лицо, а я этого сильно пугалась. Я сама стала уходить к бабушке и дедушке, когда приходили гости. Иногда папаша был зол на своих родителей по каким-то лишь ему ведомым причинам и не позволял мне оставаться на ночь у них. Мне приходилось спать на диване, рядом с которым сидели пьяные бабы и вонючие мужики.

Я помню первые годы своей жизни смутными обрывками или знаю их по рассказам родственников, соседей, по сплетням, как и время до моего рождения. Нелепость того, что отец не работает и грабит своих стариков, абсурд пьянок на глазах несмышленного ребенка, сумбур сексуальных связей моих родителей – все это я в памяти своей вынесла из глубоко детства, воспоминания эти шли со мной бок о бок, нога в ногу, но краски были смутными. Подробно и ярко моя жизнь врезалась в память с момента развода моих родителей. Помните, я говорила в начале своей истории про Вику, молодую подругу моего отца? Она дружит и с матерью. Более того, сейчас она даже является ее родственницей.

Когда начался развал брачных уз моих родителей, мне было около пяти лет. Вика и Настя, тогда еще только достигшие совершеннолетия, ворвались в жизнь моей семьи стремительным ураганом и сыграли с браком моих родителей злую шутку. Наверное, я расскажу обо всем по порядку, потому что с момента их появления краски моей жизни и моей семьи приобрели совершенно другие оттенки. Седой знал этих девчонок чуть ли не с момента их рождения, с отцом Вики он даже тесно общался, дружил, хотя тот и не удостоивал его честью посещать попойки. Они могли выпить вместе, собравшись семьями, пивка и пожарить мяска на воздухе, родители Вики частенько приглашали моих к себе по-соседски, но никогда не участвовали в кутежах, устраиваемых Седым, так как считали себя выше всех этих ледовых побоищ и их участников. В прочем, так и было: тетя Лида и Константин Михайлович и рядом не стояли с теми, кто посещал нашу квартиру. Дружбу с отцом они вели исключительно по причине того, что папа и Константин Михайлович были знакомы в молодости и иногда вместе встречали в передряги, только отец Вики, в отличие от моего, не был настолько омерзительной личностью и преступлений, за которые приходилось платить, не совершал.

Вика и Настя, крепко дружившие с самого детства той дружбой, которой мог бы позавидовать каждый, являли собой зрелище весьма яркое: молодые и привлекательные, шумные и буйные. Буйства их были абсолютно разного характера: от веселых попок, присущих студентам, до проведения ночей в отделениях тогда еще милиции.

Первый опыт общения моей семьи с этими девушками произошел летом, июльским вечером, когда мне было пять лет. Мои родители, Чепуха и чета Грачевских сидели на лавочке возле подъезда и наслаждались вечерней прохладой после знойного дня. Алкаши не очень любят лето, скажу я вам, потому что водка идет труднее, и пить с утра до ночи не получается. Приходится либо пить пиво, которое дороже, либо ждать вечера, чтобы жара не давила тошнотой на желудок. Я бегала с Ваню по площадке напротив подъезда. Ваню сын тети Лизы и Чепухи, был тогда моим лучшим другом. Он младше меня на год и очень красивый. Лиза родила его Чепухе, чтобы смыть боль мужа от потери дочери. Грузин был безмерно счастлив появлению сына, который продолжит его род. Это напускное величие жалкого кавказца часто смешило меня, а сына его было жалко. Ваню (для меня просто Ванька) рос в строгости, доходившей

до абсурда. Когда его неудачник-отец напивался, то начинал дрессировать своего маленького сына, криками и угрозами заставляя отжиматься, бегать кругами или что там еще в голову приходило этому извергу. Чепуха объяснял это тем, что ребенок должен приучаться к дисциплине, но я не вижу ничего общего между дисциплиной и самодурством старого идиота. Ваню очень сильно боялся отца, хоть и любил его до какой-то поры. Несмотря на жесткое воспитание, мальчиком он рос нежным и ласковым: всему виной его отношения с матерью. Тетя Лиза внушала сыну, что она слабая женщина, которая нуждается в его помощи, внушала это с любовью и теплом, поэтому мальчик возрастил с помощью матери чувство долга, которое помогло ему в дальнейшем стать неплохим человеком. Еще Ваню был невероятно красивым ребенком в детстве, а повзрослевший он был еще лучше. Его большие глаза и длинные реснички, ровный нос, пухлые губы, правильный профиль – все это последствия смещения крови грузина и русской. Женщины души в нем не чаяли, за одни ресницы покупали ему мороженое и леденцы. С годами он стал еще ярче, и внимание женского пола возымело совершенно иной окрас, но Ваню не стал этим пользоваться, ведь его чистое сердце, воспитанное хитрой матерью, искало светлой любви, а не грязной постели. С физической точки зрения у Ваню был один недостаток: он был слишком мелким, слабым и щуплым ребенком. С самого детства до нашей с ним недавней последней встречи Ваня так и не смог исправить этот свой недостаток ни питанием, ни спортом. Но девушки любили его таким еще больше, ведь у них так развит материнский инстинкт, который и толкает их заботиться о щупленьком.

Я и Ваню на площадке, мои родители с друзьями на лавке. Подъезжает черный Опель с тонированными стеклами, из него слышна громкая музыка. Мы с Ванюкой залюбопытствовались, а взрослые напряглись, подумали, что чужие заехали на их территорию, так еще и с непозволительным размахом. Из машины вылезли две подвыпитые стройные фигуры, кричавшие какую-то модную песню. Те самые Вика и Настя. Они громко прощались с водителем, посылая воздушные поцелуи (видимо, это их близкий друг). Девушки заметили, что напротив на лавке сидят люди, еще и знакомые. Они уверенно направились к местным.

–О, здравствуйте, товарищи! Как жизнь? – громко приветствовала всех Настя.

–Доброго вечерочка, ребятки! – дерзко вторила ей Вика.

Старшие отвечали им с уважением и добродушием. А еще с облегчением: хорошо, что приехали свои. Пьяные люди считают себя выше крыши. Если им не хватило за вечер попойки внимания и общения, они вылезут из кожи вон, но найдут добавку. Во время общения они будут уверены, что блистают. У пьяных степень выпендрежа, синей «уважухи», товарищества резко повышается, поэтому эта парочка легко и эффектно вписалась в компанию взрослых людей, а взрослые эти огромным уважением прониклись к ним, но только потому, что на дне этой синей ямы нашего района они обитали поближе к поверхности.

Общение завязалось очень быстро. Особенно его поддерживал мой отец. Этот придурок, окончивший еле-еле среднюю школу, всегда восторгался людьми с высшим образованием и тягой к познаниям. Так вышло, что эти две дамочки учились в самом престижном университете нашего города на бюджетном отделении с отличием, несмотря на свою тягу к буйству и разгильдяйству. С темы образования и началось общение, точнее восхваление моим отцом прибывших. Приняв с таким радушием этих малолеток в свой круг, Седой вырыл яму своему браку, но тогда он этого не знал, не узнал об этом и после, зато он мечтал, чтобы я была похожа на них, на этих девок, таких умных, образованных... Но почему я должна быть на кого-то похожа? Зачем кому-то подражать? Разве тогда я не рискую прожить чужую жизнь, не свою?

Эти две пьяные лисы не просто умудрились стать центром компании, так еще и пить продолжили за ее счет. Чепуха, обычно отжимавший у всех выпивку и деньги силой или хитростью, отдавал им свои сигареты. Отец мой, несмотря на фырканию Алины, побежал в ларек за пивом, лишь бы, как он сам и выразился, девчонки были довольны.

На следующий день Вика и Настя пришли к нам в гости. Седой с великой радостью открыл перед ними двери своего дома, послал Шкета (всеми любимый, потому что безотказный, сосед наркоман) за пивом и устроил веселую попойку. Маме тоже было интересно с этой парочкой, как оказалось, потому что они молодые. Алина уже устала вертеться среди стариков. И хотя мама моя была достаточно высокомерной и тщеславной, этой парочке она позволила завладеть вниманием, потому что слишком уж весело ей было с ними общаться. В итоге девушки подружились так крепко, что даже Седой заревновал.

У Насти была машина, какая-то подержанная иномарка, на которой мы стали ездить на нашу дачу. Помню, как я, мама, Настя и Вика поехали туда, закупившись выпивкой и мясом на шашлыки. Было весело. Настя и Вика обирали моего отца как липку, но зато мне тоже доставалось с этих денег. Они, имея чуть более нормальное мировоззрение, нежели мои родители, жалели меня, поэтому старались иногда баловать. Иногда девочки даже могли влиять на Седого, и тот переставал на меня орать. Я заметила это очень скоро, поэтому стала к ним подлизываться. Держаться возле их юбок означало быть в безопасности на каждой отцовской пьянке, где они присутствовали. Эти двое были далеко не такими, как мой отец и его окружение. Просто две молодые девки из благополучных семей захлебнулись в правильности своих жизней, решили попробовать, каково это, нырять в грязь по самые ноздри. Для них это все было развлечением.

У Вики есть двоюродный брат, его зовут Алеша, он ровесник моей матери. Алеша не самый благоприятный персонаж, но весьма харизматичный и внешне очень интересный. Нормальная девушка с правильным воспитанием никогда в жизни не позволила бы себе связаться с Алешей, потому что в его биографии фигурируют наркотики и тюрьма. Только кто сказал, что моя мама нормальная? Но по порядку.

Середина сентября выдалась очень теплой. Лето никак не хотело отпускать нас из своих рук. Осень не могла вступить в свои права. Все продолжали веселиться на пляжах и дачах, жаря шашлыки и демонстрируя загорелые тела в купальниках. Я и моя семья не отличались в этом от большинства. Наступила долгожданная пятница, выходные, которые ждали Вика и Настя. А еще выходных ждала моя мама. Я забыла кое-что уточнить: она работала уже с тех пор, как мне исполнился год. Придется отвлечься на подробности, потому что это важно. В общем, отец стал раздражаться грубой непокорной Алиной все больше. Седой все чаще поднимал на жену руку, в неистовстве унижая ее на глазах у всех соседей. Он ненавидел ее иногда, чередуя эту лютую неприязнь с приступами всепоглощающей любви. Такая ненависть, сменяемая сильной любовью, сводила Седого с ума, он перестал понимать, кто для него Алина. Тогда он решил нарисовать ей в своей голове новую роль, роль рабыни. Финансовой рабыни, как он гордо заявлял потом. Желая иметь все то, что было ему тогда недоступно, он погнал свою жену, словно кобылу на пашню, зарабатывать. Нет, ему и в голову не приходило самому найти работу. Седой считал, что должен следить за пожилыми родителями, братом-инвалидом и сидеть с несмышленным ребенком. Он действительно верил в это, странно, не так ли? Слежка его заключалась в постоянных попойках, как вы могли уже догадаться, и в тирании, с помощью которой, как казалось самому Седому, он дисциплинирует членов своей семьи. А вот деньги на подарки самому себе, на дорогую одежду, технику должен был находить кто-то другой, ведь пенсий на такие запросы уже не хватало. Разумеется, зарплата в десять тысяч рублей тоже не стала бы гарантом столь дорогих покупок. Нужен был кто-то, способный брать кредиты. И моя мама, некогда безработная прожигательница жизни, пошла впахивать на удовольствия своего мужа. За несколько лет ее кредитная история превратилась в зыбучие пески, а от купленного не осталось ничего. Она брала самые нелепые кредиты на самые бесполезные нужды. Огромные проценты копились, но всем было наплевать. Покупались телефоны последних моделей, телевизоры, стоившие около ста тысяч рублей, золотые печатки, цепочки (мужские, разуме-

ется). Для себя Алина не купила ничего. Но она продолжала работать и следовать указаниям мужа-самодура.

Так вот, вернемся к тому теплому сентябрю, когда я, мама, Вика и Настя собрались ехать к нам на дачу: закупились, погрузились в машину и рванули отдыхать. Планировалось провести время вчетвером, без мужчин. Мы уже успели разобрать сумки и сходить на пляж. Как я любила тот пляж с этим чистым песком и чудным заливом! Но и его у меня потом отняли. В общем, пока дача была, пока мы на ней отдыхали, случилось следующее... Вике названивал в тот вечер ее двоюродный брат Алеша. Почему не Леша, не Алексей, а именно Алеша? Потому что в глазах всех людей он и был именно Алешей. Такой простой скромный парень, каким-то образом успевший пару-тройку раз сходить в места не столь отдаленные; глуповатый и добрый сосед, живущий с бабушкой; парень, который не способен никого обидеть (это спорно). Наркоман Алеша никогда не был плохим человеком. Знаете, как часто бывает у наркозависимых... Не знаете? А я знаю? Смешно, что я в свои годы знаю об алкоголиках и наркоманах больше, чем многие взрослые люди. Кого-то жизнь участливо ограждает от таких подробностей, а кого-то окунает в них с головой. Обычно у наркозависимых есть такой грешок: обворовывать самых близких, забирать у них все и не бояться, что за это воровство можно получить по заслугам, ведь мало какая мать сдаст сына в полицию, даже если он последний ублюдок. Среди такого рода людей подобное – частое явление, норма. Однако Алеша таким не грешил. Парень этот честно работал на стройках, чтобы хватило и на столь необходимую дурь, и на покушать, ведь, как он сам признавал, на одну бабушкину пенсию не проживешь. Если заветный пакетик не вписывался в месячный бюджет, Алеша сдавал металл, искал калымы, в крайнем случае воровал. Ну, и кто теперь скажет, что Алеша плохой человек? Просто клад какой-то среди внуков-наркоманов! Курит он свою дурь и курит, но людям не мешает, бабку без штанов не оставляет, как другие эти... Несколько раз за жизнь Алеша попадался на кражах, когда взламывал машины или гаражи, за что бывал судим. Сроки были и условными, и реальными. Как раз тогда Алеша вернулся с колонии-поселения и захотел отдохнуть в компании любимой сестренки. С Викой, к слову, у него были очень теплые отношения. Сестра всегда жалела нерадивого братца, журила его, помогала, даже передачи возила.

–Слушайте, девчонки, – обратилась Вика к маме и Насте, – Лешка приехать хочет. Он парень безобидный, вы знаете. Ему бы отдохнуть по-человечески, а не с этими его друзьями. Может, разрешим ему приехать? Он такси поймает, пива наберет и через час уже будет тут. Только Седому главное ничего не говорить.

Не то чтобы мама до этого не была знакома с Алешей, наоборот, она достаточно его знала, чтобы хотеть познакомиться еще ближе. Эта женщина, падкая на молодых и красивых, очень заинтересовалась предложением Вики. Раньше Алина общалась с ним только коротко: здоровалась, переговаривалась парой фраз. С парнем больше знался Седой как мужик с мужиком. Но Алине всегда было интересно узнать поближе Викиного брата, от которого веяло какой-то хулиганской романтикой и таинственностью. Алина сразу согласилась с предложением Вики и с тем, что Седой ничего не должен знать. А мне вертихвостка-мать пригрозила суровым наказанием, если я проговорюсь отцу. Я не собиралась выдавать Седому тайну и без ее угроз, так мои детские инстинкты и страхи подсказывали, что меня ничего хорошего не ждет ни от нее, ни от самого Седого, но мамаша решила подстраховаться. Настя, слышавшая ее грубую реплику в адрес дочери, решила пойти еще и другим путем: она пожалела меня, приласкала и дала сотню. Уж не знаю, подкуп ли это был ради сохранения тайны, акт ли милосердия по отношению к обиженному ребенку, но я была не против лишних денег в моем кармане.

–Лех, приезжай, – довольно говорила в трубку Вика, – только Седому не говори ничего... Потому что! Глупый вопрос! Тебе он не скажет ни слова, он трус. А вот Алинке навтыкает! ... Мало ли за что? Он найдет! Скажет, что с мужиком на даче она времени не теряла. ... Все, давай, приезжай, мы тебя ждем. ... И я тебя целую.

–А точно Седой не приедет? – решила уточнить Настя. – У него колеса есть – прыгнет в тачку и примчит, если желание появится. Он мужик непредсказуемый.

–Нет, – отмахнулась Алина, – он уже со Славиной женой в загуле. Пьяный за руль просто так не сядет, должно случиться что-то невообразимое. Например, он должен узнать, что Алешка здесь. А просто так, – она призадумалась, – да нет, не приедет. Ему там и дома хорошо. Алена давно его обхаживает, – мама брезгливо усмехнулась. Никакой ревности, сплошное мерзкое равнодушие.

Алеша приехал к нам через три часа, когда было уже очень темно. Алина как раз вытащила фонарь на веранду, а Настя готовила мангал. Стол был завален свежими овощами, булками, закусками, пивом. Девушки решили хорошенько гульнуть. Радио играло на всю громкость. Эти трое ржали и орала, а соседи не высывались, потому что привыкли, что на даче Коневых уже не первый год творится беспредел. Из-за нечеловеческого ржача пьяных кобыл никто даже не заметил, как открылась калитка и Алеша, звеня пивными бутылками, зашел на территорию.

–Здравствуйте, дамочки, – несмело поприветствовал он, но кроме меня его никто не заметил.

Я подошла к парню, взяла его за указательный палец и потянула к себе вниз, он поддался.

–Говори громче! – перекрикивала я радио прямо ему в ухо.

Он ласково улыбнулся, достал из пакета подтаявшее мороженое и протянул его мне. Я взяла и отбежала.

–Добрый вечер, дамы! – уже громче попробовал он, и трое девиц обернулись.

–Леха! – вскочила Вика со стула и бросилась на шею брату. – Ох ты, Леха, мой Леха!

Эти двое даже прослезились.

–Как я тебя ждала, – продолжила Вика после недолгой паузы, – если б ты знал. Тебя мать родная так не ждет, как я. Тебя только бабка сильнее ждет.

–Знаю, Викусь, знаю, – ласково улыбаясь сестре, отвечал он.

Освободившийся Алеша выглядел весьма привлекательно. Верно говорят, что тюрьма спасает пропащих. Когда наркоман уже по кадык в болоте своей зависимости, ему стоит лишь совершить преступление и попасться, чтобы выжить. Там, на государственных харчах, эти твари находятся на курорте, в санатории. Многие из них нагло и открыто говорят, что поправляют здоровье в тюрьмах. Им там можно все, даже иметь телефоны, если есть договоренность. Неплохо сидеть ушлому бандиту в социальных сетях и прямо из тюрьмы пудрить мозги любовными рассказами какой-нибудь наивной девочке, а потом, отмотав срок, выйти на волю, так еще и приехать в новую хату к новой шкуре, или как там еще эти мрази называют женщин. Достаточно полгода, чтобы набрать вес и избавиться от того ужасного состояния, которое провоцируется постоянным употреблением той химической дряни, которая стала так легкодоступна по всей стране. Я все это знаю от папиных дружков, которые бесстыдно обсуждали при мне свои позорные жизни. Скажите, разве справедливо на ваши же налоги, милые граждане, содержать таких ублюдков, поправлять им здоровье, устраивать санатории? Наверное, многие из вас, если бы имели право выбора, свои налоги отдавали бы неимущим детям, тяжелобольным, но никак не преступникам. Возможно, кто-то из них убил чьего-то сына, а теперь жирует на зоне, потому что мать убитого платит налоги на его содержание. Вот раньше тюрьмы были тюрьмами: садизм со стороны надзирателей, похлебка из свиных кишок на воде, вечные побои и рабский труд. Это и есть то, чего заслуживают преступники. Ох уж этот чертов гуманизм, он ведет лишь к разложению общества, которое перестает бояться наказания. Наказание должно устрашать, и под гнетом преследующего испуга преступник будет бояться нарушать закон. А теперь не каждый боится. Семьянин с приличной зарплатой и большой квартирой боится, потому что ему есть что терять. А беспризорник, пьющий водку на теплотрассе, не

боится: на нарах ему будет теплее, чем на февральском морозе, так почему бы не совершить преступление и не отправиться туда заблаговременно?

Простите, я же говорила об Алеше. Так вот, этот малый был румян, одет, улыбочив и счастлив. Он улыбался сестре и свободе. Эта искренняя улыбка приковала мою мать. Я стояла в стороне и наблюдала, как жадно Алина впиалась в этого парня своими кошачьими глазами. Быть беде, чуяло мое детское сердце, быть беде...

– Давай, садись, Лех! – Настя стукнула парня по плечу и указала на стул. – Сейчас будет мясо. Алин, – обратилась она уже к моей матери, – закинь пиво в холодильник, а нам новое принеси. За встречу будем пить.

Алина послушалась. Виляя бедрами, она удалилась походкой женщины, желавшей получить мужчину. И даже тяжелые пакеты не испортили заднего вида. Жаль, что простофиля его не заметил.

Когда все уселись, первое время разговор шел о том, какой этот Леха красавец. Громче всех его хвалила Настя, но это были всего лишь дружеские подбадривания, адресованные человеку, которого от души жалеешь. Было бы странно, если бы такая разумная девица, как Настя, запала на такого просточка-преступничка. А вот мама моя делала комплименты совсем иначе, и только дурак не понял бы их. К сожалению Алины, Алеша был тем самым дураком. Этот простой парень абсолютно не понял, что женщина, так сладко посасывавшая пиво из стеклянной бутылки, желала его. Первый вечер, который мама провела в компании Алешки, не дал этой охотнице никаких плодов. Сестра видела, как неугомонная соседка пылко ухаживает за ее братом, но лишь небрежно посмеивалась над развернувшейся пьесой. Настя наблюдала за этим цирком с жалостью. Ко мне. А я сидела, забитая, лишь иногда выходила к столу, чтобы взять у Вики из рук кусок жареного мяса, как щенок берет подачку от хозяев, и глотала горькие слезы, катившиеся от обиды за мою несостоявшуюся семью, которые никто не замечал..

Скажите, уважаемые люди, по десятибалльной шкале насколько моя мать, готовая раздвинуть ноги прямо на глазах у малолетней дочери, ненормальная? Я бы сказала, что на все одиннадцать. Я завидую детям, чьи матери не просто самки, а люди с головой и сердцем. Наверное, этих детей воспитывают совсем иначе. Но я не знаю, как.

Алина даже пыталась лечь спать с Алешей в одной постели, но не вышло. Дело в том, что наша большая дача, которая находится в очень престижном районе благодаря прошлым заслугам моего деда, еще не до конца достроена. Изнутри это голый кирпич с железной дверью и пластиковыми окнами. На полу цементная пыль, кругом разбросаны инструменты и стройматериалы. Дача двухэтажная, но второй этаж вообще не пригоден для жизни. На первом стоит стол, табуретки, холодильник и даже телевизор висит. А еще там была пара двуспальных диванов, которые в последствии обоссали папины друзья-алкаши. Алина была убеждена, что на одном из них должны лечь спать Настя и Вика, а на втором – она и Алеша. Про меня, как это водится, эта женщина забыла. Я, привыкшая к такому отношению матери, слушала этот пьяный разговор молча. Настя и Вика, храни их господь, в которого я не верю, помнили обо мне, к моему удивлению, и серьезно отчитали мою бесполезную мамашу. Ими же было решено, что они лягут вдвоем, а я лягу с мамой, что до Алешки, так пусть спит у Насти в машине. Мама долго упорствовала, пытаясь спихнуть меня третьей к подругам, но Настя была строга, а Вика неумолима. Эта пара властных самодурок заткнула за пояс мою мамашу, которую я всегда считала самой неугомонной из женщин, но нет, нашлась на нее управа. Послушный Алеша, полностью солидарный с сестрой и ее подругой, ушел мирно спать в машину, а Алина, кажется, возненавидела меня, никчемную бесполезную дочь, от которой одни проблемы, как она сама тогда и выразилась.

Утром я открыла глаза и почувствовала тепло спящей рядом матери. Я была такой маленькой и беззащитной, я понимала, что мать меня не любит, но как счастлива была я тогда

проснуться рядом с ней и греться о ее мягкую грудь. Хотелось в туалет и кушать, но я боялась шевелиться: не дай боженька, чтобы мама проснулась от моей возни.

Ребенку нужна мать. Он будет любить ее до последнего, даже если ребенок будет осознавать всю ее никчемность и негодность, все равно будет любить. Пусть любовь будет чередоваться с неприязнью, а то и с ненавистью, но любовь будет. Даже если мать не любит. А сложно, наверное, особенно таким, как Алина, любить ребенка, если он рожден от ненавистного мужчины. По крайней мере, она как-то пыталась доказать именно этим верность своего небрежного отношения ко мне.

Так вот, я хотела в туалет, но боялась пошевелиться. Меня спасла Настя, которая тоже проснулась и, в отличие от меня, особо не считалась с тем, что кто-то другой может еще хотеть спать. Она прошла по комнате, осмотрелась и заметила, что я лежу с открытыми глазами.

–Лиска, – шепнула она, – не спишь?

Я кивнула.

–А чего? Пошли на пляж тогда.

Я очень хотела встать, сходить в туалет, сходить на пляж со своей старшей подругой, но очень боялась разбудить мать.

–Чего молчишь? – уже громче спросила Настя. – Пойдешь?

Я неуверенно кивнула.

–Ну вскакивай тогда, – в полный голос велела эта беспечная.

Я отрицательно помотала головой. Настя построила недовольную мину и подошла к дивану. Она нагнулась ко мне через Алину. Я лежала у стенки, и мне было сложно, такой маленькой и неуклюжей, встать с дивана, не задев мать. Настя без церемоний взяла меня под мышки и поставила на пол. Я в страхе медленно обернулась назад – пронесло, мама спит.

–Пошли, – скомандовала она и направилась к выходу. Я за ней.

–Так, умываться, – строго заявила Настя, когда мы вышли на крыльцо.

Я смотрела на нее глупыми глазами, хлопала жидкими ресницами, упорно не понимая, как я должна умываться и зачем.

–Лис, – недовольно повторила она, – умываться.

Я молчала.

–Ты что, – Настя начинала злиться, – по утрам зубы не чистишь?

Я отрицательно покачала головой.

–Совсем?! – ее накрыло недоумение.

–Иногда, – тихо пробормотала я.

С каким презрением тогда на меня смотрела эта девушка. Я была маленькой и не понимала, в чем заключается необходимость каждое утро чистить зубы. Как я должна была это понять, если меня к такому даже не приучили? Я чистила зубы, но далеко не ежедневно. В детстве у меня часто был отвратительный налет и ошметки еды на зубах. Я вообще удивляюсь, как я умудрилась не остаться с гнилым ртом, ведь регулярно я стала умываться только лет с двенадцати, когда меня начали обижать за это в школе.

Настя жестко схватила мою руку и поволокла к своей машине. Там все еще мирно спал Алеша, но она не собиралась его тревожить, хотя, если бы ей понадобилось, то сделала бы это с легкостью, потому что забота о других редко вставала на первый план, когда дело касалось ее желаний. Настя открыла багажник и достала оттуда целлофановый пакетик, в котором были зубные щетки, мыло и паста.

–Так, – заявила она строжайшим тоном, – сейчас будем умываться. И я твоим родителям пропишу нагоняй за то, что они тебя к этому не приучили. Держи синюю, – сказала Настя, протягивая зубную щетку, – это Викина, только ей не говори, – ехидная довольная гримаса показалась на ее лице, – и пошли умываться.

Я сделала то, что велела эта девушка, и мы пошли на пляж. Было противно и стыдно чистить перед ней зубы, но ради пляжа я и не на такое была готова.

–Так, Лиска, – говорила Настя, пока мы шли к заветному месту, – тебе, конечно, еще только пять лет, но тебе не кажется, что уже пора ходить не в трусиках, а в купальнике? Девочки в твоём возрасте так и ходят.

О, Анастасия, не будь душой! У этих девочек есть нормальные родители! А моим наплевать. Так бы сказала я ей сейчас, но тогда я лишь стыдливо молчала, уткнувшись мелкими глазками в зеленую тропинку, и чувствовала себя виноватой. А спутница моя продолжала:

–Я не понимаю, почему родители тебе не купят хотя бы один купальник? Нет, я поговорю ними.

Я бы хотела посмотреть, как эта девица будет отчитывать моих предков. А еще я бы хотела купальник. Думаете, мне не было стыдно ходить на людях в трусиках? Позже воспитание и обстановка сделали свое дело, и я стала считать, что такой детский нудизм в порядке вещей, продлилось это лет до десяти, когда у меня уже начала виднеться грудка, а я продолжала плескаться в Волге в одних трусах. Но тогда еще моя голова немного соображала, и я мечтала о розовом купальнике, как у всех девочек моего возраста. Только вот родителям моим было вовсе не до детских желаний.

Мы пришли на пляж. Хотя было еще только утро, но народ уже заполнил поверхность постепенно нагревающегося песка. Чем больше было людей, тем сильнее стыд сверлил мой мозг: мне казалось, что они все смотрят и смеются надо мной, над девочкой в трусиках. За все годы я часто ловила на себе недоумевающие взгляды взрослых по поводу моего вида на общественном пляже, со временем даже к ним привыкла, но тогда еще было стыдно. Еще мне показалось, что Настя тоже стыдилась являться со мной в таком виде в людное место. Эта девушка вообще была очень сильно подвергнута зависимости от чужого мнения, поэтому мое общество ее тогда очень угнетало. И каждый раз в последствии, когда мы ездили на дачу вместе, она негодовала из-за того, что отец так и не купил мне купальник.

–Так, Лис, – строго инструктировала она, – ты либо слушаешься меня, либо нет. Я сейчас пойду плавать, а ты плескайся тут у бережка. Если я увижу, что ты делаешь шаг в сторону от назначенного места, то приплыву, поругаю тебя, и мы пойдем назад. Уяснила?

Я кивнула. Все поняла. Я старалась не спорить со взрослыми, тем более, если они приносили мне пользу. Я была той еще приспособленкой. Послушные дети нравятся больше, чем сорванцы. Надо было набирать очки.

Настя уплыла, а я стала с огромным удовольствием плескаться в обозначенной зоне. Мне было так хорошо, так приятно в этой воде. Моя спутница всегда любила плавать далеко и долго, поэтому времени у меня было достаточно, чтобы насладиться утром на пляже.

Когда мы вернулись на дачу, никто уже не спал. Мама, Вика и Алеша сидели на веранде и посасывали пиво. Выглядели все ужасно, помято. Алеша был скомкан из-за ночи, проведенной на заднем сиденье машины, а Вика и мама перебрали вчера и плохо себя чувствовали.

–О, алкаши, – обратилась бесцеремонно Настя к сидевшим за столом, – похмеляетесь уже? Какой пример подаешь дочери, кукушка? – обратилась она уже к моей матери. – Ты лицо хоть умыла?

Я, росшая в антисанитарии и частом отсутствии гигиены, считала тогда, что эта девушка помешана на чистоте и просто всех донимает. Я не думала, что именно такое отношение к себе норма.

–А вы где были вообще? – строго парировала Алина, желая уйти от неприятной темы. – Я проснулась, а дочери нигде нет.

–И поэтому сразу взялась за пиво, – надменно отбила нападение Настя. – Не смехи, Алин, – лицо говорившей было хмурым, она не любила, когда с ней спорили, – ты либо знала, что Лиса со мной, либо положила на эту тему большой и толстый. Иначе бы трубила во все

рога и металась в поисках дочери. Не так ли? – эта высокомерная, как я тогда думала, но справедливая, как мне кажется сейчас, девушка сверлила мою бестолковую мать взглядом, а та и возразить не смела.

–Тише вы, – вмешалась Вика, – не надо тут ссориться. И без этого тошно. Сядь лучше сама к нам, накати, – позвала она подругу.

–А завтракать кто будет, алкаши? – ехидничала Настя, но не спорила (как я поняла со временем, она никогда не спорила с лучшей подругой и подчинялась ей во всем). – Ребенка уж точно надо накормить.

–Я завтракал, – робко влез в разговор Алеша. – Там в холодильнике нашел немного шашлыка. Я не все съел. Лиске его как раз можно скормить.

–Холодный? – недовольно спросила Настя, но все промолчали. – Хорошо, – в итоге решила она, – пускай ест. Наложил, мамаша, – сказала Настя Алине и уселась за стол, – а еще, будь добра, пивка принеси. Тоже выпью и буду разводить мангал. Лех, включи радио, ты ближе всех сидишь.

Команды были розданы, назначенные приступили к их выполнению. Настя решила скормить мне вчерашний шашлык, потому что его надо было кому-то сбагрить, вот и вся ее любовь. Лицемерка считала, что ребенок будет сыт, мясо съедено, а она молодец. Свежак же она пожарила для себя любимой.

Второй день нашего пребывания на даче начал разгоняться. Пьяную пятницу сменила пьяная суббота. Они пили, ели, купались, смеялись, пели. Про меня никто не забывал благодаря участливости девочек и Алеши. Вот бы и родителям моим такую память. Кстати, отец даже не звонил – ему и без нас на Буровой, видимо, было хорошо.

После обеда моя мама была самой пьяной. Вика с Настей расслаблялись между собой. Алеша старался не налегать, желая быть в рассудке для избежания нападков хищной Алины, которые все учащались. Алина же, в свою очередь, злилась на свои неудачи и требовала водки.

Вечером мама прижала ни в чем неповинного Алешу к стенке и крепко поцеловала в засос. Я стояла за углом и все видела. Душа моя сжалась от печали, которую тогда я не смогла еще полностью осознать. Я прикусила обветренные губки и тихо ушла спать. С этого момента начался дикий роман наркомана Алеши и вертихвостки Алины.

На следующий день после обеда мы уехали домой. Никто не знал об интрижке моей мамашы с Алешей. Он рассказал сестре об этом позже, уже в городе, когда они остались вдвоем. Ему было стыдно, а Вике смешно. Мама же гордилась тем, что добыча была схвачена. Да, она поцеловала его силой, но поцелуй тот четко значил то, что Алеша теперь привязан к этой нимфоманке.

Я сильно переживала по этому поводу. Правду говорят, что дети все чувствуют, у них волшебная интуиция. Мне даже спрашивать ничего было не нужно, я и так все понимала.

Вика моментально рассказала о новости своей лучшей подруге, как это у них водится. О, сколько смеялись они над этим варьете. Подругам моего отца, коими он их считал, не было даже жаль его. За его спиной творился сексуальный бардак.

Мать начала зазывать Алешу на пьянки прямо к нам домой. Ох уж эти влюбленные бабы, которые бросаются в свои интрижки, словно в омут. Алина так сильно хотела видеть своего нового возлюбленного, так хотела быть с ним чаще и ближе, что ее даже не пугала мысль о том, что рано или поздно он и Седой столкнутся лбами. Седой, в свою очередь, с удовольствием делил с подлым соперником стол и рюмку. Я знаю, что Алешу корябала совесть, но он был во власти моей матери, которой такое слово было неведомо, поэтому ему приходилось сидеть за одним столом с мужчиной, чью жену он имеет из раза в раз. Седой даже не мог предположить, что этот простак за его спиной трахает чертовку Алину. Мой отец был слишком глуп, чем мать пользовалась, даже не стараясь скрыть свое чувство страсти к молодому наркоману.

Крах брака моих родителей стал еще ближе, когда в конце осени бабушка Алеши, надеясь на то, что нерадивый внук образумится, купила ему квартиру в соседнем (в нашем) подъезде. Дешевая однушка, которая была с натяжкой пригодна для жилья. Самое ироничное заключалось в том, что была эта однушка на нашей лестничной клетке. Бабка, которая жила там раньше, долго умоляла своих детей забрать ее из этого ада, в котором невозможно жить, особенно спать, из-за пирушек Седого, и дети наконец сжалились.

Мама моя была несоразмерно рада. Но, к ее великому сожалению, Алеша не торопился звать ее на новоселье. Дело в том, что Алеша в тайне от мамы водил к себе девушку из своего круга, которая тоже употребляла с ним заветную дрянь. Алина прознала не сразу. Но будьте уверены, когда она прознала, шашням бедного парня с юной подругой настал конец. Хорошо, что Седого не было дома, когда моя глупая неудержимая мать устраивала ту дикую сцену прямо на лестничной площадке. Соседи, которые общались с нашей семьей, ну, те, о которых я уже упомянула несколько раз, были крайне удивлены и посчитали, что мать моя избивает юную гостью Алеши из-за неприязни к наркотикам, в страхе за свою маленькую дочь. По крайней мере, они так говорили, но все они на самом деле знали, просто не хотели лезть в эту грязь. Произошла эта гнусная сцена спустя неделю после переезда Алеши. Все попытки Алины проникнуть в его новую обитель венчались крахом. Было ясно, что парень хочет избавиться от моей надоедливой мамы, но не знает, как это сделать, чтобы ее не обидеть. Этот кроткий мальчик был слишком робок для того, чтобы отказывать женщинам прямо в лицо. Алеша был настолько труслив в своем нежелании разбирательств с влюбленными барышнями, что всеми силами пытался сохранить тайну своих новых отношений. Не вышло. Однажды вечером Алина услышала звон ключей в подъезде и подскочила к дверному глазку: выслеживала любимого. Она крайне разозлилась, когда увидела, что тот самый любимый входит в свою квартиру с незнакомой девкой. Однако Алине хватило ума, чтобы не выскакать со скандалом в ту же секунду. Комната бабушки и дедушки была через стенку от Алешиной квартиры, туда мама и метнулась. Когда баба Вера попыталась выяснить, что происходит, грубая сноха наорала на свекровь, заткнув ей тем самым рот, и принялась подслушивать. Алина вся извелась. Через час ее потуги привели к результату: за стеной слышались девичьи стоны. О, как взбесилась моя мать. Она выскочила в подъезд босиком и принялась с криками тарабанить в дверь нового соседа. Алеша не открывал несколько минут, зато открывались двери на других этажах, ведь люди недоумевали, что за погром творится в подъезде. Алеша понял, что настырная не остановится, и открыл, надеясь уговорить и выпроводить сдуревшую Алину, но не тут-то было. Моя мать с силой оттолкнула парня, которого застала врасплох своим напором, и залетела внутрь. На самом деле Алеша был под влиянием дурман-травы, иначе он бы легко совладал с истеричкой. Тем временем Алина выволокла в подъезд раздетую девку, избивала ее и выпроводила вон.

Позже Алина говорила отцу, до которого баба Вера донесла обо всем произошедшем, что почувствовала запах травы, которую курил Алеша со своей шкуркой, поэтому решила прекратить этот мерзкий бордель. Седой (только этот неразумный кретин был способен поверить в подобную чушь) даже похвалил маму, а вот бабке, этой несчастной старухе, он вставил нагоняй. Бабушка никак не могла понять за все годы побоев, что лучше молчать, чем выслуживаться перед сумасшедшим сыном за чей-то счет, ведь от этого лишь ей самой бывало плохо. Что касается Алеши, он понял, что от жены соседа ему теперь уже никуда не деться.

Алина перестала контролировать свое поведение, она сбегала к любовнику в любое время, если того желало ее половое влечение. Отец начинал подозревать неладное. Да нет, до него дошло, что жена изменяет ему, но не дошло, с кем. Он стал безбожно колотить Алину в надежде выбить правду, пытался запирать неверную жену, но та находила неординарные выходы. Первый раз, когда тиран ушел к дяде Славе, мама выцыганила ключи у дедушки. После этого Седой избил и ее, и родного отца, а ключи у родителей отнял. Второй раз Алина перелезла с нашего балкона на соседний, вышла через чужую дверь с помощью хозяина квар-

тиры, который был ввергнут в некое недоумение, вернулась в свой подъезд, но уже в квартиру любовника. Когда папе, сидевшему тогда на кухне очередного товарища по стакану, доложили, что его жена, словно маргитка, скачет по балконам, он впал в дикую ярость. Он так избил неверную, что той даже пришлось лечь на пару недель в больницу. Когда Алину выписали, она, так сильно за эти дни заскучавшая по любовнику, явилась сначала именно к нему. Отец не знал, что она дала деру раньше уговоренного времени и поехал за ней, но в назначенном месте ее не оказалось. Папа сразу понял, что мать у любовника, но он и не думал, что она так близко. Пока Седой пил с горя, Алина жила в соседней квартире и не выходила оттуда несколько дней. Своей невероятной привязанностью эта дикая кошка заставила Алешу полюбить себя, и он принял наконец эти отношения, которые сначала считал нелепицей. Он предложил Алине свое заступничество, но та отказалась, хотя ей и было приятно, потому что считала, что это доставит воз лишних проблем. Изменница пока была не готова к разоблачению и последующему разводу. Когда она вернулась домой, папа жестоко избил ее, неистово желая узнать имя того, кто был с ней все эти дни, но та лишь смеялась мужу в лицо, опьяненная своей любовью. Безмозглый Седой так ничего и не понял. В таком цирке мы кружились почти год.

Однажды летом мама снова куда-то сбежала, но уже не к любовнику, что для самого Алеша, считавшего мою мамашу уже почти своей собственностью, стало большим удивлением. Гулящей кошки не было сутки. Седой искал ее по друзьям и подругам, но тщетно. Озадаченный, он сидел на лавке и курил Приму (потому что на другие сигареты денег не хватило). К подъезду вышел Алеша.

–Здорова, Седой! Чего злой такой?

Отец ответил с печальной злостью:

–Представляешь, Алинка опять сбежала. Бросила нас с дочерью и шарахается по койкам. Вернется – прибыю.

Я сидела рядом с отцом и болтала ножками в новых сандаликах, подаренных мне любимым дедушкой. Мне было привычно слышать такие разговоры, поэтому я даже не шелохнулась, ни один мускул на моем маленьком конопатом лице не дрогнул от мысли, что моя мать снова будет побита: мне было ее не жалко. Дикость, не правда ли? А вот на Алешинем лице мускул дрогнул. И не один.

–Как так? Куда сбежала? – в волнении, которого не заметил мой тупой отец, спросил он.

–Да кто ж ее знает! – рассерженно фыркнул Седой.

Алеша был взбешен тем, что мама сбежала не к нему. Он был не настолько глуп, чтобы думать, что та сидит у подруги. Папа рассказал ему, что он всех подруг обзвонил, что сбежала она ни с того ни с сего, что ссор не было, просто он проснулся вчера, а ее нет. Алеша за эти месяцы хорошо узнал свою любовницу, он не был таким слепцом, как мой несчастный папаша, поэтому он знал, что практически нет других вариантов, кроме того, что Алина вторые сутки зависает на хате с каким-то мужиком, одним в лучшем случае, и пьет, как последняя скотина. Так как парень был ей всего лишь любовником, а не мужем, он не мог предъявить гулящей какие-либо претензии. Алеша молча отправился по своим делам, но выводы сделал.

На следующий день, когда мама явилась домой весьма потрепанная, отец, как и обещал, был с ней беспощаден. Побитая, она сбежала, а он даже не стал ее преследовать, что ей сыграло на руку. Мама тихонько шмыгнула в квартиру Алеша, так как у нее тогда уже были ключи. Дома его не оказалось. Она осталась ждать.

Парень вернулся домой глубокой ночью в дурном своем состоянии. Кайф давно отпустил его, телом и разумом завладел психоз. Когда он увидел на своем скрипучем диване маму, проснувшуюся оттого, что хозяин громко закрыл дверь, лицо его перекошилось в отвращении.

–Что ты здесь делаешь? – брезгливо спросил хозяин.

–Алешенька, как так? Что ты спрашиваешь? Тебя жду, – как ни в чем не бывало лепетала она.

–Пошла вон, – раздраженно сказал он и сам вышел из комнаты, чтобы не видеть ее. Но Алина метнулась за ним.

–Что это ты так со мной? – щебетала любовница, вцепившись в рукав его футболки, провонявшей потом и жженой травой.

–А ты не знаешь? – Алеша оттолкнул неверную. – Ты просто проститутка! Бесплатная и беспринципная! – он уже кричал на Алину, выпучив свои красные глаза.

–Ты охренел? – возмутилась мать.

–Закрой рот! – парень больше не стал заниматься болтовней. Он схватил ее под руку и выволок в коридор. – Обувайся и выметайся!

–Алеша, – крикнула она, не понимая, откуда в этом робком птенце, покорном ей во всем, столько агрессии и решительности, – я же к тебе пришла.

–Вон! Убирайся! – он кричал так громко, что мы слышала через стену.

–Алеша! – завопила Алина. – Алеша, прости! Не выгоняй меня!

Мы услышали и ее. Знакомый голос поразил отцовский слух, Седой напрягся. Я сжалась от испуга. Мы с отцом побежали в коридор и прислонились к входной двери, чтобы было лучше слышно. Благие маты доносились из соседней квартиры. Дверь распахнулась, и Алеша вытолкнул мою мать в подъезд.

–Вон! И не смей сюда больше приходить!

Отец прилип к дверному глазку.

–Алеша, – молила эта падшая, рыдая, – прости меня, выслушай!

–Нет! – наркоман пытался вытолкнуть ее и закрыть дверь, но она всеми силами упиралась. Он не хотел распускать руки, поэтому вытолкнуть ее совсем так и не смог.

Тут до отца все дошло. Седой спустился по стене и взялся за лысую голову.

–Вот ведь дрянь, – дрожащим голосом произнес он.

В тот момент мне было жалко папу. Он выглядел таким слабым. В его любви к этой женщине было много чего, и он так боялся это потерять. Страшнее всего было ему то, что эта измена отличалась от предыдущих ее походов: она рыдала и умоляла любовника, потому что любила его. То, что Алина предала Седого не только телом, но и душой ранило его практически смертельно. Он даже не мог выйти к ним и раскидать по углам.

Я обвила шею отца своими слабенькими ручками и принялась его успокаивать, пока эти двое продолжали, ничего не скрывая, скандалить в подъезде. Я тогда уже все понимала. Я не была удивлена, ведь все знала. Мама несколько раз таскала меня на свои встречи с Алешей, Алеша протестовал, но ее воля была сильнее, и он быстро замолкал.

Наконец отец собрался, встал и открыл дверь, отшвырнув при этом меня. Ах, папа, как иронично: я была единственным человеком, который тебя жалел, а ты так грубо со мной обошелся. Он вышел, не обратив на меня, рыдающую от удара в коридоре, никакого внимания. В подъезде начался скандал еще пуще. Алеша, увидевший Седого, переключился на него, будто не он был любовником, а мой отец собственной персоной:

–А, ты, забирай свою жену! – кричал он Седому.

Отец, разгневанный таким наглым поведением еще больше, кинулся на Алешу с криками и выяснениями, началась драка. Кубарем, словно мартовские коты, дерущиеся из-за течной кошки, скатились они вниз на один лестничный пролет. Драка была серьезная. Повезло, что наш товарищ сосед вышел и с немалым трудом разнял этот клубок, иначе бы Седому пришлось отхватить от разъяренного наркомана намного больше. Алеша был сильнее, очевидно. Седому повезло.

После этого шумного скандала, о котором узнал весь дом, Алеша зашел к себе, я, папа и наш сосед пошли к нам, а мама отправилась к Чепухе искать утешения на плече у тети Лизы. В доме Чепухи сумасбродную Алину убедили в том, что лучше вернуться к мужу. Хотя бы до тех пор, пока Алеша злится. Алина никак не могла ожидать, что парень воспримет ее измену

с таким гневом и отрицанием. Она горько пожалела о том, что загуляла. Мысли этой подстилки были только о том, что она может потерять любовника, но никак не семью, дочь. Как ужасно ребенку чувствовать себя менее нужным матери, чем какой-то хахаль. Мой детский мир рушился, будто там была война. Дирижабли, воздушные шары, башни – все это падало и разбивалось на осколки, на частицы пыли, оставляя после себя лишь мусор, помойку. Вот во что превращала мать детский мир своего ребенка.

Пока Алину учила жизни тетя Лиза, отца угоманивал наш сосед. Он был отличным семьянином, поэтому знал толк во всем таком. Этот добрый понимающий мужчина посоветовал Седому успокоиться и принять жену назад, но только ни в коем случае не бить. Душевный разговор под рюмку-другую возымел свое влияние, отец послушал товарища. Почти во всем. Когда Алина вернулась, он не стал выгонять блудливую кошку, однако приложился к ее физиономии крепко.

Отношения стали натянутыми между всеми: отец возненавидел соседа наркомана и стал поливать его грязью на каждом углу; Алеша злился, но пока терпел, потому что знал свою вину; мама почти не разговаривала с папой, но и с Алешей тоже, потому что тот и смотреть в ее сторону не хотел; а все соседи и знакомые только и делали, что жужжали об этом любовном треугольнике, начерченном на одной лестничной клетке. В таком отвратительном мире взаимоотношений продолжалось мое детство. Глупые взрослые, особенно бабки-сплетницы, со своими черствыми душонками даже не старались сворачивать свои языки в трубочку при мне, они обсуждали все подробности, выдумывали новые, даже если я была где-то рядом. Люди, они такие отвратительные: порой, чтобы скоротать время и поболтать; порой, чтобы почувствовать себя значимыми и знающими; они несут всякую чушь о том, в чем вообще не сведущи. Так рождаются сплетни. Конечно, моя мама была подвержена греху прелюбодеяния, но то, с каким вдохновением соседи выдумывали истории о ее похождениях, порой просто поражало.

Страдали от этой истории все: мама, которая не могла вернуть расположение любовника; отец, чье сердце было разбито и вышвырнуто на помойку; я, чья семья рушилась; Алеша, бабушка которого страдала от происходящего, из-за чего парня мучили угрызения совести. Укоряемый любимой бабушкой, парень начал презирать бывшую любовницу и зарекся больше не иметь с ней ничего общего. Его холодность убивала мою маму. Она рыдала каждый день и пила, пропадая в своей любви. Она стала гулять еще больше и даже не скрывала этого. Отец бил ее, в неистовстве своем забываясь. Жена его даже попала в больницу, а когда вышла оттуда, на неделю пропала в чьих-то пьяных домах. Как ее держали на работе – тайна для меня, потому что извечно подбитое лицо ее вряд ли устраивало работодателей. Хотя я не знаю, кем она тогда работала. Возможно, синяки не играли на том месте особой роли. Алина не переставала впадать в крайности и творить сумасбродства. Алеша же был непреклонен и за такое поведение презирал эту женщину еще больше. Он снова стал водиться с той девчонкой, которая разделяла его интересы.

Наш дом превратился в еще больший бедлам. Странно было то, что и мама, и папа считали происходящее обыденностью. Вот как работает мозг пьющих людей, которым под дурманом алкоголя искажение нормы кажется обычным делом.

Алина не переставала любить молодого наркомана, но со временем острота боли разлуки стала менее сильной. Она приходила понемногу в себя. Как-то Настя и Вика, которые коротали с моей мамашей вечер на лавочке, надавали ей советов. И какого черта эти две сучки лезли в нашу семью! Снова у них вышло внести свою отвратительную лепту. Я сидела рядом в песочнице, одинокая, лепила куличики и все слышала.

–Мать, – со всей душой обращалась к Алине Настя, – ты неправильно себя ведешь. Я понимаю, ты вся извелась. Ты страдаешь, да, потому и бухаешь. Но если ты хочешь Алексея вернуть, надо идти совсем иным путем. Прекрати истерить. Не все мужики слабеют перед женскими слезами. Алексей флегматик, а они любят спокойствие. Возьми себя в руки и прекрати

весь этот цирк. Начни с ним общаться так, как будто он тебе стал безразличен. Стань спокойнее. Когда он увидит, что буря миновала, он подпустит тебя ближе, тогда уже можно будет постепенно включать режим соблазнения. Но постепенно! Не резко.

Эти советы сильно повлияли на мать, она им последовала, и это возымело свое действие. Прошло немного времени с тех пор, как Алина стала общаться с Алешей спокойно, а он это принял с радостью, ошарашенный тем, что истерик, портивший его репутацию перед любимой бабулей, больше не будет. Еще один лицемер в нашем театре: он не готов был бросить дурь, которая порочила его в глазах бабули не меньше, чем шумные отношения с замужней женщиной, но зато мог расстаться с той самой женщиной, чтобы бабуля нервничала на копейку меньше. Но парень к Алине до конца так и не остыл, поэтому ей было легко перейти в режим соблазнения. К сожалению, все вокруг видели, что происходит между теми двумя, обсуждали это, мусолили, и происходящее быстро доходило до моего отца. Седой был в бешенстве. Конфликтов между ним и соперником было не избежать. Они дрались постоянно, два самца, борющихся за право обладания самкой. Люди, ставшие животными – это так грустно и смешно одновременно. Мама, к слову, не брезговала спать с мужем в перерывах между встречами с любовником. Так и творилась эта грязь на моих детских глазах, выдавших многое, что не следовало бы.

В конце концов эта история не могла тянуться вечно, надо было что-то решать. Седой, сходящий с ума от постоянных нервов на почве побегов Алины к любовнику, постарел за несколько месяцев так, как люди не стареют за годы. Алина, как настоящая женщина, начала хотеть большего от своей добычи, чем просто постель: она хотела уже совместной жизни, брака, что было невозможно, пока она была замужем за моим отцом. Если женщина настоящая, то ее не волнуют войны, бизнес, политика: все, о чем она думает – любовь. С появлением ребенка эта острота страстей должна стираться, сменяясь материнским инстинктом, но у Алины что-то пошло не так. Забыв о родительском долге, она продолжала свои шумные любовные игры, которые происходили на глазах у всех, желающих зрелищ. Мама глубоко возмущалась, когда ее попрекали, укоряли, напоминали о дочери: у нее всегда под рукой был пример Седого, который, несмотря ни на какое общественное мнение, занимался побоями своих стариков и женщин. В общем, Алина вопреки всему продолжала тонуть в море любовных страстей. Алеша хотел прийти к чему-то, потому что очень переживал за то, что бабушка его нервничает, когда подруги-сплетницы рассказывают ей новые истории о любовных похождениях внука.

Все решилось в один из сентябрьских вечеров. Большая компания выпивак, собравшихся на лавочке возле нашего подъезда, начала расходиться. Остались только Вика, Настя, Алина и мой отец.

– Ну, слушай, малыш, – обратился папаша к жене, – поздно уже, пошли домой. В меня что-то не лезет сегодня. Пиво какое-то ссанное.

Он до сих пор называл ее малышом, не взирая на все то дерьмо, которое произошло.

– А я не хочу домой, – нагло ответила мама, абсолютно не считаясь с мнением мужа.

Он, как побитый пес, опустил голову и задумался.

– Знаешь, малыш, – произнес папа чуть погодя, – тут все равно Вика и Настя, так что оставайся.

С этими словами он взял меня за руку и поплелся домой. Три девицы так и остались сидеть под окном. С пивом, сигаретами и пустой болтовней. Вдруг на сцену прибыл четвертый герой, один из главных в этой мерзкой трагедии. Само собой, это был Алеша. С его появлением беседа перешла в иное русло. Парочка любовников только и знала, что обсуждать свои дела. Алеша жаловался сестре, что больше не может жить в таком интимном бардаке, что надо что-то решать. Алина страдала оттого, что она на распутье между своей неистовой любовью и извергом-мужем. Обо мне, к слову, мамаша даже не вспомнила, когда делала выбор. Удивительно такое поведение для любой нормальной женщины, но не для моей матери. Пиво кончалось,

Вике и Насте становилось скучно. Алеша, который получил зарплату, был отличным кошельком для продолжения банкета, но хитрые подружки не хотели обременять себя душеизлияниями влюбленных дальше: надо было как-то получить подливу, но при этом сбегать голубков.

–Ребята, – со всей искренностью заявила Настя, – вы же так любите друг друга! Пора уже сделать шаг! Вам надо сбежать! Вам надо сойтись окончательно! Сколько можно мучить себя и других!

В таком роде эта лицемерка стала разглагольствовать, Вика, подхватившая идею, которая казалась ей весьма занимательной, поддакивала изо всех сил, а в заключение сказала:

–Бежать надо сейчас.

–Но куда нам бежать? – спросил возбужденный идеей Алеша.

–На дачу к Чепухе, – ляпнула та.

Алине, этой чертовой сумасбродке, безумно понравилась идея побега. Эта ее натура авантюристки никогда не давала ей покоя, а теперь, когда предлагался такой острый шаг в жизни, она была просто счастлива. Как когда-то она в эйфории сбежала с моим отцом, так теперь она готова была сбежать от него. Алеша, который не был на самом деле тем дураком, каковым его все считали, прекрасно понимал натуру этой шальной женщины и считал, что ничего дельного из их отношений не выйдет, что на руинах чужого брака не создать крепкой семьи, но он был слишком влюблен в мою мамашу, поэтому делал все, что казалось ей правильным, тем более, так советовала его любимая сестра.

Злоумышленники быстро созвонились с женой Чепухи, мать объяснила ситуацию сообщнице, которая знала о шашнях Алины и Алеши, как никто другой, потому что часто их сношения происходили в ее квартире, и тетя Лиза, особо не раздумывая, согласилась помочь. Все четверо направились в соседний дом для дальнейшего воплощения плана побега.

Прошло достаточно времени, когда папа спохватился и набрал номер жены, тот был недоступен. Он заподозрил неладное и позвонил Вике, но та не брала трубку. Седой напрягся. Запрыгнув в сланцы, он выскочил на улицу и увидел, что там никого нет. Его пульс стал чаще, на лбу выступил ледяной пот. Отец опустил на корточки и схватился за голову. Я села рядом и стала гладить его по сгорбленной спине.

Отчаяние отступило очень скоро: Вика и Настя вернулись к подъезду. К сожалению моему и отца, одни. Они шли с мешком пива и громко смеялись.

–Слава богу! – вскрикнул Седой, бросаясь навстречу. – Где вы были? Где Алина?

–Как? – Настя состроила удивление на своем лице. – Разве она не пришла домой?

Отец обреченно помотал головой.

–Но как же? – еще пуще подружки удивилась Вика. – На остановке в круглосуточном мы слегка порамсили, и Алинка сказала, что возвращается домой.

Эта очевидная ложь была принята моим отцом за правду, он был повержен.

Неужели им не было его жаль тогда?

–Ей никто не звонил? – дрожащим голосом спросил папа.

Мерзкие лгуньи лишь пожали плечами. Они поняли, что ему плохо, и решила поддержать его с помощью своих трофеев. Мы четвером пошли к нам домой. Там эти подлые девицы наливали отцу пиво, которое купил его злейший враг, о чем Седой и не догадывался, утешали его, выслушивали все жалобы, но правды так и не сказали. Они оказали ему сильную поддержку той ночью, моральную психологическую поддержку, как он уверял себя и всех остальных, рассказывая о той трагичной истории. После того общения отец искренне считал этих девок невероятными душевными людьми и лучшими своими подружками. Как лицемерно они его утешали, вытаскивая из болота, в которое сами же и толкнули несколькими часами ранее. Разве это хорошие люди? Кукловодки, смеющиеся над теми, кому в жизни повезло меньше. Просто ведьмы. Таких сжигали на кострах. Забегу вперед: смешно, но Седой так и не узнал о причастности этих девок к побегу моей матери с наркоманом Алешей.

Прошло три дня, а эта чертова кукушка так и не объявилась. Отец даже ходил в милицию, но его оттуда выпроводили, несмотря на устроенную истерику, слезы и дикий ор. Мать-кукушка так и не являлась, но я все равно ее любила. Я любила ее, кажется, больше, чем отца, который не оставлял меня, в отличие от некоторых. О том, где и с кем находится моя мать, знали уже многие, но отцу так никто и не сообщил. Этот простофиля, считавший каждого своим другом, был поднят на смех, сам того не подозревая.

Первым объявился Алеша. Он приехал к себе домой, чтобы забрать какие-то вещи: холодало. Любовники пока не решались вернуться в город, все еще жили на даче, которая, благо, находилась недалеко, что позволяло парню ездить на работу напрямиком оттуда. У подъезда папе довелось встретиться с поганцем. Он молча протянул тому руку. Алеша ответил на рукопожатие. Папа сжал его кисть и жалобным взглядом впился в его глаза.

– Говори, ты же знаешь, где она, говори, – на глазах Седого сверкали слезы.

Алеша молчал. Больше от стыда, чем от страха. Он видел боль, которую причинял обманутому мужу и брошенной дочери, которая стояла рядом, опустив рыжую головку. Ему было неловко оттого, что он рушил эту маленькую хрупкую ячейку общества, но он ничего не мог с собой поделать, потому что дикая любовь затмила разум.

– Я не знаю, Олег, – только и смог ответить Алеша.

Отец отпустил его руку, и парень ушел прочь. Седой сел на лавку и закурил. На улицу вышли его любимые подруги: Вика и Настя. Папа был невероятно рад их видеть. В своей обычной грубой и шумной манере он принялся рассказывать девкам, что видел Алешу, что тот не знает, где Алина, что она с кем-то другим. С дикими криками и разбрызгиванием слюны, с красными глазами и трясущимися руками Седой разглагольствовал о том, что будет с неверной Алиной, когда она попадется ему на глаза. Его подружки поддакивали, энергично кивали, вставляли свои реплики, и ни один мускул не дрогнул у них при том отвратительном вранье.

Вообще, практически все, с кем пил папа, знали правду, но с невозмутимым видом выслушивали жалобы Седого, не подавая вида, очень часто поддерживая его жестокие идеи, возникавшие в отношении моей мамы. Этот глупец был окружен лжецами и предателями, но упорно того не видел. Кстати, он так и не узнал об этом. А если бы узнал, то не поверил бы. Такой уж он человек, этот Седой.

Через неделю Алина включила телефон. Через десять дней взяла трубку.

– Где тебя черти носят? – кричал разъяренный Седой в динамик.

– Я с тобой развожусь, – холодно оборвала его мама. – Мне надоели эти побои, мне надоело то, что вы постоянно деретесь с Алешей. Ты сам мне надоел, старый кусок дерьма. Я с тобой развожусь.

После этих слов мама положила трубку, а Седой так и остался стоять посреди комнаты с открытым ртом.

– Пап, что с тобой? – спросила я, потянув его за штанину.

Он медленно повернул на меня голову и посмотрел с ненавистью. Да, он тогда возненавидел меня за то, что я ее дочь. С тех пор его отношения с женой, в которых ненависть чередовалась с любовью, обрушились на меня.

Из его рта посыпался благой мат. Я забилась в угол и стала тихонько рыдать. Так началась моя жизнь в неполноценной семье.

Родители действительно развелись. Мама попыталась жить у Алеши, но соседство с бывшим мужем не давало ей покоя. Седой постоянно устраивал скандалы, нападал на Алешу, нападал на Алину. Он требовал у бывшей жены деньги, хотел, чтобы она платила алименты. Она платила: Алеша без каких-либо вопросов отдавал деньги для меня, но только вот они уходили на водку для Седого и его друзей. Алеше стал надоедать этот глупый рэкет, он отказывался давать деньги на пропой, вместо этого покупал продукты. Происходили драки. Седой вел себя, как петух, мне было стыдно за отца. И я хотела жить с мамой. Но маме меня никто не

отдавал, а она за меня не боролась. Сколько семей распадается? И сколько матерей борются за свое право воспитывать своих детей? Много. Но моя не входила в их число. Она пускала все на самотек. Алеша пытался ее надоумить на то, чтобы она забрала меня у отца через суд, но ей было, кажется, лень. Так я стала расти без матери.

Потеряв источник дохода в лице бывшей жены, Седой даже и не подумал о том, что ему самому не помешало бы выйти на работу. Зачем батрачить, если у тебя есть родители с такой хорошей пенсией?

Я пошла в первый класс. Рыжая тощая девочка, которая была выше прочих и выглядела столь несуразно из-за своих длинных рук и ног, вряд ли бы пользовалась популярностью среди своих одноклассников. Да и характер у меня был не дай боже.

О характере, к слову, стоит рассказать поподробнее.

Когда мама, уставшая от вечных скандалов между Алешей и бывшим мужем, вынудила своего сожителя переехать, она совсем отдалилась от меня. Голубки съехали в частный старый дом, доставшийся Алеше от прабабки. Точнее, достался он его бабушке, но та с удовольствием передала его в пользование внуку, лишь бы тот был счастлив. Жилище было отвратительным, обветшалым, со смрадным запахом, когда парочка туда впервые въехала. Твердой рукой Алеша заставил мою мать навести порядок по женской части, а сам благоустроил все по мужской. Еще одна положительная черта этого никчемного наркомана – золотые руки. По сути, у него был один недостаток: наркотики. Для многих людей это страшное неоспоримое табу, но моя мама предпочла их всем недостаткам бывшего мужа. А знаете, я ее понимаю. Как мерзко получается: я осознаю то, что мой отец даже хуже наркомана. Какие бы ни были у Алеши положительные черты, человеком хорошим в моих глазах они его не делают, но делают лучше отца. И мне от этого чертовски печально. В общем, за пару месяцев они привели дом в порядок, сделали его пригодным для жилья и зажили семейной жизнью. Папа от этого злился все больше, собирал все чаще гостей в доме, устраивал пьянки, похожие на вакханалии. Когда кто-то приходил с бутылкой, начиналась гулянка, затягивавшаяся и на месяц. Месяц беспробудного пьянства, слез, истерик. Отцу было больно, он никак не мог смириться с тем, что любимая жена ушла к другому. В ту пору Седой стал любить меня почти маниакально своей странной версией любви. Знаете, что он купал меня? Девочку, ходившую в первый класс. С момента развода он начал делать это. Он раздевал меня, раздевался сам, сажал меня в ванну, сам садился следом. Так мы купались. И он считал это нормальным, поэтому даже не стыдился говорить об этом своим знакомым, многие из которых закрывали на это глаза и продолжали пить за его счет.

Однажды у нас собрались: Ирка Грачевская, Вика, Настя, Слава и Лиза Чепуха. Пьянка была веселой и шумной, словно свадьбу отмечали. Отец со Славой пошли в ларек за добавкой. Ирка Грачевская решила обсудить хозяина квартиры.

– Девки, вы вообще как считаете, Седой у нас нормальный?

– Ну, нет, наверное, – усмехнулась Настя.

– Так и я говорю, что нет! – продолжила Грачевская. – Вы вообще считаете нормальным, что он до сих пор купает Лиску?

– Как? – брезгливо спросила Настя.

– А вот как, – сказала Ирка. – Лиска, иди сюда, расскажи.

И я рассказала. Я рассказывала это абсолютно невозмутимо, потому что не знала, что в нашем совместном купании есть что-то извращенное, ненормальное. Напротив, я думала, что эти бабы, глупые куры, собравшиеся в нашей квартире, несут чушь, и что у них нет мозгов.

Когда отец пришел, Вика и Настя устроили ему разнос. Настя кричала на него, как умалишенная, а Вика спокойно и холодно унижала отца своей речью, состоящей из железных доводов и жестоких оскорблений. Седой даже испугался, когда понял, что в его действиях есть нечто преступное. Он пообещал, что больше не будет так делать никогда, боясь, что за подоб-

ные водные процедуры его могут лишить родительских прав, да и посадить за решетку, как пообещали девочки. Все женщины, собравшиеся в комнате, провели и со мной беседу.

–Лиска, – тоном правильной училки говорила Настя, – ты должна понимать, что ты взрослая девочка, пора уже самой принимать ванну. Папа мужчина, он не должен видеть тебя голой.

–Лиска, – строго говорила Вика, – я с трех лет даже маму не пускала в ванную комнату, потому что стеснялась уже.

–Да уж, у ребенка извращенное мировосприятие, – умничала Грачевская.

Таким образом прошла первая общая беседа о нашем с папой совместном купании, которая, казалось, возымела плоды в виде моих понимающих кивков и папиных обещаний. Однако на следующий день, когда Седой, находившийся под влиянием правильных подруг, отправил меня купаться, я закатила истерику и заставила его пойти со мной. Так мы быстро забыли про все нравоучения и продолжили свое.

В нашем доме было много посторонних мужчин, и я с самого детства перестала их стесняться. Всякое бывало: я видела голыми их, они видели голой меня. Было обычным явлением семилетней Лиске бегать в одних трусиках по дому, когда к папе приходили гости. Однажды это увидела все та же Настя. Она пришла к нам, когда у отца собрались его новые товарищи. Шкет беспрекословно стогнал ей за пивом, она влилась в круг общения, стала дожидаться прихода Вики. Я забежала в комнату, чтобы поздороваться с ней, обнять, как у нас полагалось. И я была в одних трусиках.

–Что за дерьмо?! – гневно произнесла она, глядя на моего пьяного отца.

–А что? – искренне удивился он.

–Почему ребенок в одних трусах? У нее уже грудь расти скоро начнет, а она перед толпой мужиков голая бегаёт!

–Лиска, – обратился ко мне отец, чтобы удовлетворить подругу, – оденься.

Он сказал это не от понимания неправильности происходящего, а только чтобы Настя была довольна. Я послушалась (чтобы доволен был папа), но Насте с ее жаждой власти и желанием правильности этого было мало. Она закатила скандал и выгнала новых друзей. Тогда я ее испугалась, затаила какую-то обиду за то, что она позволила себе так разговаривать с моим папочкой, а сейчас понимаю, что она была права и делала это мне во благо. Не сказать, что я после того случая перестала бегать перед гостями в одних трусах, но когда должна была прийти она, я тут же бежала одеваться, чтобы Настя не упрекала отца в том, что он делает из меня собственную Лолиту.

Много неправильного творилось в нашем доме, но мало кто пытался с этим бороться. Наверное, только Вика и Настя постоянно воспитывали Седого. Остальные бабы делали лишь разовые попытки, потому что им по сути было все равно, они не хотели терять теплое места возле бутылки, и желание выпить побеждало в них существо социальное. Мужики и вовсе молчали. Кто скажет мне, что нормально маленькой девочке спать там же, где час назад валялся пьяный облеваный мужик в грязной одежде? Если вы человек разумный, то вам и в голову не придет, что подобное является нормой, но там, где я прожила всю свою жизнь, это было самым обычным делом. Беспринципность и грязь формировали мой характер.

Я очень скоро начала понимать, что постоянные пьянки делают моего отца бесхребетным. И люди вокруг него были такими же. Пьяного так легко развести на деньги, вкусняшки. Я стала хитрой: когда отец был пьяный, я клянчила деньги, а он и его друзья давали мне их, как способ отвязаться от надоедливого ребенка. Он открыто заявлял, что дает мне столярник, только чтобы я отстала. А вот друзья фальшиво делали вид, будто дают мне деньги из-за любви и сочувствия. Но я уже тогда понимала, что все они лжецы.

Я стала капризной. Когда мне все надоедало, я нарочно начинала рыдать, всех изводить, а пьяному отцу, которому важна была моя любовь, приходилось вестись на мои провокации.

Еще я была лгуньей. Ужасной подлой лгуньей. Но я не считаю, что кто-то вправе меня винить. Ребенок в таком возрасте не виноват в том, что он лжец. Виновато его воспитание. Я с возрастом стала понимать, что это плохо, что это причиняет проблемы, поэтому постепенно стала избавляться от этой мерзкой привычки.

Примерный мой портрет к моменту поступления в первый класс был таков: рыжая, слишком высокая, несуразного сложения, конопатая девочка с узкими глазками, у которой был скверный характер, позы к ябедничеству, вранью, капризам и истерикам. Трудно ли мне было найти друзей среди одноклассников? Да. Меня спасало то, что в параллельном классе училась дочка Славы и Алёны, Кристина, а на следующий год в школу пошел Ваню. В начальных классах кроме них у меня не было друзей. Тем более, дети из благополучных семей презирали нас вдвойне за нищету и мерзких родителей, мамы и папы никому не разрешали с нами общаться, что провоцировало в наш адрес еще больше агрессии. Подумайте сами, когда маменькиным сынкам их маменьки говорят, что Алиса плохая, что у нее папа пьет, что с ней дружить нельзя... Конечно, маменькин сынок послушает свою курицу-мать, так еще и обзывать и шпынять начнет. Дети, они такие... Дети очень жестокие.

А знаете, какой жестокой была я? Когда еще мама жила с нами, она завела кошку. Бабушка, ненавидевшая сноху, кошку эту выкинула с силой с балкона, та и разбилась насмерть. Со второй кошкой было тоже самое. Вот и я была жестока с животными по примеру старших. Мне больше не на кого было выплескивать свою ненависть, потому что в борьбе с людьми я была слишком слабой. И что же я делала? Я тискала бездомных котят до смерти без капли жалости. Настя однажды увидела, что в моих руках болтается полуживой котенок. Как она кричала на меня! За руку отволокла домой к отцу и при нем же дала такой подзатыльник, что я до сих пор помню его силу. Папа, кстати, не перечил ей, а поддакивал. Он всегда говорил, что та вправе воспитывать меня, как посчитает нужным, потому что он доверяет ей и хочет, чтобы я выросла такой же, как она. Но от осины не родятся апельсины, папенька... Время меня меняло. Но это все потом. А пока...

Я пошла в первый класс. Мама очень хотела проводить меня, но отец пригрозил ей, что если она появится в поле его зрения, он устроит скандал прямо на линейке. Это дьявольское отродье не одупляло, что делает больно мне. Может быть, он понимал, но ему было плевать, от чего мне не легче. Алина, зная бывшего мужа и его безумный нрав, решила не идти, а просто перевела ему деньги, чтобы тот одел меня поприличней. Этот урод пропил основную сумму, а шмотки купил в секонд-хенде. Тетрадки и ручки купил с дедушкиной пенсии. Так я и пошла, как шоболятница, на свой первый в жизни урок. Папа, кстати, не пошел. Седой нажрался в честь последнего дня лета. Он решил проводить август под влиянием своего нового друга. Когда мои родители развелись, у отца появилась тенденция общаться с молодежью. Он подбрал через третьи руки новых дружков. Толстый и Тонкий приперлись 31 августа с пивом и уломали отца составить им компанию. Эти парни – парочка ублюдков, беспринципных и мерзких. Папаня отпирался, отдать ему должное, по причине Дня Знаний, но доводы новых друзей оказались сильнее. И вот какой-то там праздник конца лета оказался важнее первого школьного дня в жизни единственной дочери. Вика и Настя снова спасли ситуацию. У них вошло за правило выручать меня, когда отец подводил, ведь им было жалко бесхозного ребенка. Они делали эти свои подачки в виде мороженого, поездок на пляж, закрытий отцовских вечеринок и прочее-подобное. Вечером 31 августа девочки откуда-то возвращались и услышали, что из окон нашей квартиры доносятся крики, смех, музыка. Зная о том, что я должна идти на следующий день в школу свой первый в жизни раз, они возмутились и поднялись к нам. Громкие стуки в дверь (видимо, ногами) донеслись до отцовских ушей. Он пошел открывать. Этот старый идиот обрадовался приходу уважаемых подруг, но те были не рады видеть его пьяным.

–Какого хрена здесь происходит? – закричала Настя

Отец опешил. Вика нагло прошла внутрь, на кухню, где сидели папины дружки и довольно попивали пиво.

–Пошли вон, – объявила им девушка.

Начались споры, разборки, отец из уважения к подругам выгнал гостей. Но стоило девочкам уйти, он набрал Тонкому, и эти выродки вернулись, но теперь уже с водкой. Хорошо, что Вика, идя домой от Насти ночью, услышала, наше продолжение банкета. Нет, она не продолжила разбирательств, просто сделала выводы. На утро девочки повели меня на праздник знаний. Они пришли к нам рано, разбудили пьяного отца, собрали меня и отвезли в школу, предварительно отчитав Седого последними словами. Я им очень благодарна, ведь в этот день их самих ждал университет, который пришлось прогулять. Вика позвонила моей маме и сообщила, что Седой просрал 1 сентября, поэтому она может прийти. Та собралась и приехала. Таким образом, вместо одного пьяного вонючего мужика в школьный путь меня проводили три красивые молодые женщины. Мама произвела хорошее впечатление на мою первую учительницу, которое в скором времени испортил мой отец. Папаша вообще внес немалую лепту в становление моей школьной репутации. У меня и без него было много проблем, а его постоянные появления и скандалы с учительницей делали мое положение еще хуже. Все смеялись над рыжей, у которой папаша психопат. А он и был психопатом, так что я даже заступиться за своего отца не могла. Он орал, как истеричка, угрожал, брызгал учителю в лицо слюной. На родительских собраниях он отказывался сдавать деньги, прикидываясь малоимущим отцом-одиночкой, и делал это в самой грубой из возможных форм. И кто это, если не больной на голову? За такое его поведение я страдала еще больше. Меня пинали, в меня плевали, кидали в волосы жевательные резинки, топили рюкзак в сортире... Чего только не было. Мы с Кристиной ютились на переменах вдвоем по углам и боялись, что кто-то обратит на нас внимание и устроит очередную показательную казнь. Кристину, кстати, унижали в основном за дружбу со мной, а не за ее какие-то качества, потому что она, в отличие от меня, была очень хорошей и симпатичной девочкой. С ней даже пытались подружиться, уговаривая бросить эту рыжуху, но она тогда еще была тверда в своих убеждениях не предавать подругу детства, за что получала вдвойне. Потом к нам присоединился Ваню, но это через год. А пока же для Ваню настал кризис в наших отношениях. Между нами разверзлась пропасть: я уже училась в школе, для меня он был мальком, поэтому я обижала друга, прогоняла, обзывала, доводила до слез. На этой почве моего тщеславия наши отцы поскандалили, дошло до драки. Папа запретил мне общаться с Ванькой. Еще одной причиной папиной ненависти к Ваньке и его семье стало то, что тетя Лиза общалась с мамой, а Чепуха полюбил Алешу, как родного сына. За грехи родителей расплачиваются их дети. Да, такое бывает часто.

Худо-бедно мы дожили до Нового года. Как я была рада, что Вика и Настя предложили справить этот праздник вместе у нас дома! Вы просто не представляете! Это был наш первый совместный Новый Год. Конечно, лучше отмечать этот праздник с ними, чем с толпой алкашей, которым лишь бы пить, а жрать нечего. Главным условием было полное отсутствие прочих друзей Седого. Девочки прекрасно знали, что все остальные всего лишь нахлебники и разорители, поэтому они твердо желали избавиться от дружков моего отца. Был шанс, что они могут явиться без приглашения.

–И что делать в таком случае? – разводил руками папа.

–Не пускать, – твердо отвечала Настя.

–Но они же услышат музыку, поймут, что мы дома, – пытался поспорить отец.

–И что? – фыркнула Вика. – Пусть знают. Мы просто им не откроем. Или, если будем пьяные к тому времени, откроем, обматерим и выпроводим.

29 декабря была школьная елка, но мне нечего было надеть. Папа даже не задумывался об этом. Я пожаловалась Вике. Она тут же позвонила Алине, и они стали выдумывать план действий, как мама могла бы снабдить меня новогодним костюмом так, чтобы папа не узнал.

Решено было передать его Вике, сочинив при этом сказку, что, мол, костюмчик этот от самой Вики. Старый дурак поверил. Интересно наблюдать за поведением этой стареющей особи мужского пола: он готов вогнать в позор единственную дочь еще больше, лишь бы не брать от бывшей жены, однако, касаясь денег, он всегда брал, так еще и требовал сверху. С самого момента развода отец боролся за то, чтобы Алину лишили родительских прав, но каждый раз останавливался: у социальных служб вставал вопрос о лишении родительских прав самого отца, а этого он боялся больше смерти. И на что я ему? Любил. Правда ведь. Любил. Он говорил, что любит меня больше всего на свете, больше жизни. Но как это может быть правдой, если он никогда обо мне не думал? Он прикрывал мной свою задницу перед полицией, перед мужиками и их наездами, перед социальными службами, в очередях и прочее-подобное. Но он никогда не прикрывал мою задницу. Может, отец любил меня, но больше он боялся потерять меня, как потерял Алину. Он боялся одиночества. Старости, в которой он будет немощным и ненужным. Я опять отошла от темы. Ох уж эти мои эмоции... На елку меня собрала Вика. Я была похожа на куколку. Позже позвонила Настя, мы вышли к ней и поехали в школу на ее машине. Когда я, наряженная, как принцесса, зашла в классную комнату в сопровождении двух красивых молодых девушек, все опешили. Как так? Почему замухрыгу Лису привели такие красотки? Мамки чуть ли не глаза папкам закрывали, когда они пялились на декольте Насти, у которой, к слову, была весьма пышная грудь. И уж очень девочки понравились моим одноклассникам. Одноклассницы завидовали, потому что их мамы и рядом с моими сопровождающими не стояли. Мы выигрывали все конкурсы, нам хлопали громче всех, мальчишки вились вокруг. С помощью этих девушек я немного обрела почву под ногами в мирке своей начальной школы. Действительно, даже после каникул меня стали унижать намного меньше.

После елки мы приехали домой, где папа был уже в состоянии вонючего бревна в компании местного еврея Рафаила, Толстого, Тонкого и его новой любовницы.

–И как это понимать? – грозно спросила Настя, скидывая норковую шубу на кресло, где сидел Рафаил. – Свалил отсюда, – гаркнула она на него.

–А в чем дело, дамочка? – нагло ответил он, не зная, с кем разговаривает.

–Что?! – хотела начать она скандал.

Но вмешался папа:

–Рафаилыч, брат, встань! Девушка просит, – засуетился он.

Вошла Вика, державшая меня за руку.

–И что тут за притон? – изумилась она. – Седой, мы твою дочь на елку водили. У нее праздник в школе! Важное событие. А ты пьешь в компании непонятно кого!

–Почему ты так говоришь, Вика? – попытался вмешаться Тонкий.

Но папа и его остановил.

–Брат, не лезь, не спорь, – говорил ему Седой, – она права. Вам всем лучше уйти. Мы посидим с девчонками. Они тут хозяйки. С ними я не спорю, – петушился Седой, который действительно неоднократно говорил, что Вика и Настя могут делать в нашем доме все, что им угодно, потому что они выше крыши.

Тут вступила любовница Тонкого. Это была плешивая блондинка, худая, как трость, но высокомерная, как герцогиня. Она была очень ярко накрашена и курила тонкие дешевые сигареты.

–Нет, Седой, стоп, я не пойму, – выпендривалась она, – ты нас пригласил, а теперь выгоняешь? Ты знаешь, кто я? Из-за каких-то девах со мной так обращаться нельзя.

Настю чуть не понесло. У нее был буйный характер, она считала, что в их с Викой адрес рот открывать непозволительно. Настя подошла к блондинке, взяла ее за руку и скинула с дивана.

–Рот закрыла, собралась и ушла!

О, какой мог бы быть скандал, если бы отец не вмешался. Ему пришлось уgomанивать всех, кто сидел с ним до нашего прихода. В итоге Седой еле выпроводил гостей.

–А теперь, – заговорила Настя, когда все ушли, – послушай меня внимательно, Олег, потому что то, что я тебе скажу, имеет смысл.

Голос ее был тверд. Отец кивнул, Настя продолжила:

–У тебя одна дочь, чью жизнь ты просираешь ради сомнительных знакомых. У нее был сегодня важный праздник. Ты на него плюнул. Но я не позволю тебе и твоим друзьям плевать на труд, время, любовь, которые мы вкладываем в твою дочь вместо тебя.

–Я понял, – виновато прошептал папа.

–Нет, – вмешалась Вика, – ничего ты не понял. Каждый раз зовешь шалман сюда, а на Лиску тебе насрать.

–Пойми, Олег, – продолжила Настя, – когда ты будешь в беде или в старости, если доживешь, то тебе, кроме Лиски, никто не поможет. Эти уроды точно не помогут.

–Ты права, – печально согласился отец.

Девочки устаканили ситуацию, и я села к папе на колени и стала рассказывать, как прошел праздник.

–Так, – сказала Настя, стоя в коридоре, перед уходом, – завтра мы едем закупаться. Не вздумай пить. В обед чтоб был на колесах и свежим. Я не хочу с пьяным оборванцем ходить по магазинам.

–Понял, – послушно ответил Седой.

–Надеемся, – сказала Вика, и девочки ушли.

Отец был весьма ведомым, когда дело казалось его мнимых друзей, а уж перед этими двумя всегда страдал раболепством, поэтому он не подвел их и ради их приказа не выпил и капли спиртного. На следующий день мы купили столько вкусной еды, сколько я не ела никогда! Мясо, колбасы, сыры, фрукты, конфеты, икра! Чего только не было в пакетах, когда мы вышли из магазина.

Тридцать первого декабря в обед девочки пришли к нам и стали готовить. К вечеру был накрыт такой стол, все как у людей: елочка в игрушках, гирлянды на окошках, стол со вкусностями, наряженные девушки, трезвый папа. Мы отмечали вчетвером. Вика, будучи заботливым и добродушным человеком, обязала Седого угостить родителей и брата новогодними яствами, тот даже спорить не стал. Мне так нравился этот праздник, где никто не ругался, где была еда, где пели песни и смеялись. Когда папины дружки стали названивать, их красиво отослали ко всем чертям – я ликовала. Это был первый Новый Год в моей жизни, который прошел так хорошо. Благодаря этому празднику отцовские дружки даже обиделись на него на некоторое время (неделя, не больше) и не ходили к нам.

В феврале случилась беда: умер мой дедушка. Я очень сильно его любила. Потому что он тоже очень сильно любил меня. Помню, сидела часто у него на коленях, ножками болтала, а он меня все спрашивал, люблю ли я деду, люблю ли я бабу, люблю ли я папу, кем хочу стать. Дед очень многое сделал для меня, за что я ему благодарна. Но он не смог воспитать достойного сына, и теперь у меня ничего нет.

Когда деда Митя умер, Седой сел на стул и стал громко рыдать. Я не знала, что мне делать. Я пошла в комнату, где жили мои бабушка и дедушка, и встала над трупом деды, стала его рассматривать. Бабушка сидела в углу в своем старом кресле и молча плакала. От тишины в их пропахшей старостью комнате мне стало страшно. И деда Митя, он был таким ужасным, пугал меня своим видом скрюченного трупа.

Отец вызвал скорую, милицию (может, тогда уже полицию), позвонил в первую очередь не своим бесполезным друзьям, а моей маме. Женщина, которую он избивал, унижал и ненавидел, приехала моментально, чтобы помочь ему в трудную минуту. С ней был Алеша. Они при-

везли денег, сколько было. Потом Алеша позвонил Вике, та пришла с Настей. Стали думать, что делать, как быть.

Денег на достойные похороны не было. Где их искать, никто не знал. Пятнадцать тысяч, которые привезла моя мама, недостаточная сумма для похорон, дураку ясно. Стали суетиться. Разумеется, в нашей семье не было никаких накоплений, ведь Седой обирал родителей до нитки. Он попытался позвонить друзьям. Сначала набрал Славу, в надежде, что тот отдаст ему долг: восемь тысяч, занятых год назад.

–Олег, ты что? Откуда у нас деньги? – тараторил в трубку этот козел. – Я соболезную тебе, но помочь нечем, честно. У самих холодильник пустой.

Потом папа позвонил Толстому, который, якобы, недавно разбогател на продаже машины своей матери.

–Не, братан, – оправдывался тот, – не могу помочь финансами. Если хочешь, приду, выпьем, поговорим. Поддержу без проблем. А денег нет. Принимай соболезнования.

Отец позвонил Тонкому, но тоже тщетно. Отец позвонил Грачевской, но там тоже могли оказать только моральную поддержку. Отец позвонил Иволгину, надеясь, что тот займет у богатых родителей, но и там помощи никакой.

Затем деньги стали искать Вика, Настя и моя мама. Как ни странно, но у них получилось лучше. Родители Вики заняли несколько тысяч, мама Насти выручила безвозмездно, так как у нее было правилом давать деньги на похороны; Алина заняла немного у соседей, которые, единственные из всех папиных друзей, и могли ему помочь; Алеша взял денег у бабушки. Худобедно набрали за день сумму, на которую можно было хоть как-то организовать похороны.

До самого вечера отца не оставляли девочки и мама. Алеша ушел к бабушке и ждал Алину там, чтоб не раздражать Седого, у которого и без того случилось такое горе. Около восьми часов, когда основные дела были улажены, все разошлись. Мы с папой остались в комнате вдвоем. За стеной тихо сидела бабушка, которая за день не съела и крошки, а в своей каморке еле слышно плакал дядя Витя.

Папа посчитал, что он не выдержит эту ночь наедине с собой, даже учитывая мое присутствие, поэтому позвонил друзьям. Идиот, как можно быть таким глупцом, чтобы звонить тем, кто в трудную минуту отказал. Настоящей помощью этот кретин считал не дела, а моральную поддержку. И к нему пришел Слава с женой, Толстый и Тонкий, Грачевские, Иволгин... Дома собрался шалман.

Знаете, как жалко мне тогда было бабушку, жену, потерявшую мужа, который был ее единственной отрадой на закате жизни? Знаете, как жалко мне было дядю Витю, умалишенного инвалида, эпилептика, который потерял отца? А себя, как жалко мне было себя...

Вика быстро узнала о бедляме, происходившем на нашей кухне, и пришла. Она окинула взглядом задымленную кухню, на которой было не протолкнуться, и остолбенела.

–Вик, Вик, – залепетал мой отец, – поддержать пришли. Садись и ты.

–Олег, – заговорила она наконец, – я понимаю, ты отца потерял, тебе плохо. Но что же ты творишь? Надо взять тебя в руки, ведь столько дел, – отчаянно твердила она. – Ты зачем их позвал? Никто из них не помог тебе сегодня.

–Вик, – вмешался Слава, – ну у нас денег нет! Что мы можем сделать?

–Да, – подтвердила Алена, – мы их высрем что ли?

Уже в том, что говорили эти двое, было все настоящее их отношение к моему глупому отцу, но он был слеп.

–Рот закрой, – сказала ей Вика, бледная от злости. – Олег, – обратилась она снова к этому несчастному, – я надеюсь, что пьете вы сейчас не на те деньги.

–Нет, Вик, ты что, – замахал руками папаша, – ребята сами принесли. Кто водку, кто пиво. Толстый вон себе пива взял, просто поддержать пришел.

–Так, – сказала Вика, – деньги, собранные на похороны, я забираю.

Отец беспрекословно отдал ей деньги, и Вика ушла, разочарованная и печальная. Она посмотрела на меня тогда с такой жалостью – тот взгляд, полный сочувствия, запомнился мне навсегда.

Боже, если ты есть, ответь мне, почему мой придурок-отец уверен в том, что Иволгин, принесший водку, помог ему больше, чем моя мама, устроившая похороны деда от и до? Ах, да, потому что мой отец придурок.

В день похорон собрались немногие, родственников у нас было мало, а на кладбище поехали только самые близкие и верные. Это были мои первые в жизни похороны. Но далеко не последние. Мне было так страшно и холодно тем февралем, маленькой тощей девочке в шапке набекрень и сморщенных синих колготках. Феврале на протяжении всей моей жизни умели нагнать тоску. У меня текли сопли и слезы. Пришло время прощаться. Мама подвела меня к дешевому гробу, в котором лежал тот уважаемый человек, много лет назад бывший многоуважаемым, а теперь он не получил даже достойных про'водов в последний путь. Вот как легко спуститься с небес на самое дно. Прощай, дедушка, я тебя никогда не забуду.

Когда мы с мамой отошли от гроба, стали прощаться все остальные. Седой подошел последним. Он упал на гроб и зарыдал во всю глотку. О чем-то жалел? О своем поведении, о том, что был грубым, что бил старика, что унижал, что обирал? Нет. Седой испугался, что остался без денег. Бабушкина пенсия была не так велика, поэтому я думаю, что моего ублюдка-отца страшило то, что ему придется урезать свой бюджет. Когда гроб деда заколачивали гвоздями, мне было страшно от этого леденящего душу звука. Когда гроб деда опускали в землю, я плакала, потому что понимала, что если его закопают, то больше я уже никогда его не увижу. Когда гроб закопали, я принялась рыдать что было мочи. Все это время со мной была мама. Как хорошо было чувствовать ее поддержку. Как я скучала по ней. Неужели смерть была единственным поводом нам с ней быть ближе? На столике у соседней могилки открыли бутылку водки. Помянуть. Те, кто не собирался ехать на поминки к нам домой, выпили по стакану водки с Седым там. Мы с мамой и папой сели в автобус. С нами ехал кто-то еще. Основная часть разбежалась по своим машинам. Автобус высадил нас у центрального рынка, потому что ему было заплачено недостаточно для того, чтобы нас привезли к дому. Некоторые разъехались по домам, кто-то поехал с нами. Дома готовили поминки Грачевская и мама Насти. Когда мы с родителями приехали, Вика с братом и Настя были уже там и накрывали на стол. Сначала посидели те, кто был на кладбище. Потом, когда папа сказал, что его «друзья» хотят прийти помянуть, многие решили освободить помещение. Остались только мама, Алеша, Вика, Настя и Грачевская.

Первым пришел Иволгин. Я открыла ему дверь по приказу отца. Этот маленький щуплый человек, страдавший падучей, зашел в коридор, снял ботинки, куртку и принес мне свои чертовы соболезнования.

–Чтоб ты сдох, – ответила я на эти соболезнования. Маленькая, а уже в таком возрасте я умела питать чувство ненависти гораздо ловчее, нежели чувство любви. Каковы уроки, таковы и знания. Жизнь меня любви почти не учила.

Иволгин все прекрасно понимал: он алкаш, собутыльник, поборник халявы, за то и получил от меня в лицо такой плевков. Он лишь виновато опустил голову и прошел в комнату, где стал приносить соболезнования моему отцу, которому они, ясное дело, были нужнее. Седой его неустанно благодарил.

Пришли Толстый и Тонкий, потом Слава со своей отвратительной женой, муж Грачевской, Рафаил... Постепенно подтянулись все, кто желал отведать халявной водки. Эти черти принялись жрать и пить, а я смотрела на них с отвращением. Толстый это заметил и метнул в меня такой жуткий взгляд, полный презрения, что мне аж страшно стало, я убежала в комнату к бабушке. Она сидела на кресле, рядом стояла еда, которую принесла ей мама, нетронутая. Дядя Витя был в своей комнате, я слышала, как он чавкает.

Поминки превратились в самую обыкновенную попойку: отцовские гости стали забывать о том, что в доме кто-то умер, все чаще слышался смех, говорили все громче. Мама решила уйти, потому что ей противно было на все это смотреть. А знаете, она изменилась: с тех пор, как она стала жить с Алешей, она превратилась в человека, стала намного меньше пить, у нее появились принципы, она стала хозяйственной, больше не выглядела вульгарно и вызывающе.

Мама попросила Вику проследить за всем, убраться и прочее-подобное. Вика согласилась и проводила брата с его возлюбленной. Однако обещания своего Виктория так и не выполнила. Я ее не виню. Когда пьянка полностью завладела поминальным столом, она просто не смогла там больше находиться. Вика взяла под руку свою подругу, они сделали попытку дать сыну покойного последние наставления и ушли. Наставления были услышаны, но не исполнены. Поминки окончательно превратились в праздник с музыкой и песнями. Пришли какие-то девки, которых я видела впервые. Отец включил караоке. Насколько абсурдный мир, в котором я живу. Вот так вот провожали моего деда, человека, которого отец, по его же словам, любил всем сердцем! Человека, прожившего жизнь достойную! И проводы эти длились четыре дня. Соседи по дому не вызывали милицию только лишь из сочувствия к нашей семье, погрязшей в такой потере, но стоило ли сочувствовать? Все прекрасно слышали, как рыдания отца сменялись писклявым пением в микрофон каких-то шалав. Балаган! Пару раз Вика пыталась зайти к нам, образумить отца, но взбешенная увиденным, разворачивалась и шла прочь. Больше вмешиваться не решался никто. Так прошло первое в моей жизни прощание. Когда бабушки у подъезда пытались неделей позже упрекнуть протрезвевшего отца, он открывал на них хайло и в бешенстве рассказывал о своей душевной боли и о том, что ему необходимо было ее излечить, ведь груз потери так тяжел. Когда Вика и Настя кидали в его сторону презрительные взгляды, он виновато опускал голову, но заговорить с ними так и не решался. Когда мама прочитала ему лекцию, он покрыл ее последними словами. Так он отвернул от себя тех, кто ему помог, зато остался при друзьях.

Седому было мало того, что он обидел бывшую жену, которая помогла ему всем, чем только могла, он решил ее окончательно унизить. Седой, разъяренный тем, что был теперь у бывшей жены в долгу, вместо благодарности стал ходить и всем рассказывать про Алину такие вещи, от которых уши вяли: она проститутка, она наркоманка, она с наркоманом живет, у нее ВИЧ, у нее трипер... Много, из сказанного им, было грязной ложью. Он поносил дерьмом не только ее, но и ее сожителя. О, как бесновался Алеша. Однажды, когда до него Шкет, являвшийся Алешиним другом детства, а по совместительству собутыльником Седого, донес новости о том, как бывший муж его бабы рассказывает всем, что Алешу в тюрьме петушили, парень не сдержался: он приехал на Буровую, поймал Седого и устроил показательное наказание. Алеша бил моего отца на глазах у всех соседей, вылезших на балконы. Седой пытался отбиваться, но очевидно проигрывал. Папу спасло только то, что я, увидев с балкона происходящий ужас, выбежала в пижаме и со слезами и криками повисла на Алешиней спине. Бешеный, Алеша все же смог заметить визжащий рыжий комок и остановился. Он посмотрел на меня виновато и ушел прочь. После этого мордобоя отец еще больше возненавидел мою мать и ее хахалька и стал распространять о них сплетни с двойным усердием, а про драку тем, кто не видел, говорил, что наркоман попытался на него наброситься, но Седой, обладая звериной силой, дал дрищу такой отпор, что у шуплого только пятки сверкали. Лжец. Седой был настолько безумен, что не боялся побоев, которые Алеша всегда был готов ему отвесить за грязный язык. Помимо неадекватного его мировосприятия, страх папаше умалило еще и то, что он знал: Алеша не станет его избивать при мне, а меня Седой таскал постоянно.

Алина очень злилась на бывшего мужа. Перед тем, как деда Митя умер, мама и Алеша собирались расписаться, но трагедия заставила парочку отложить свои планы до лучших времен. Они думали подождать месяца три после похорон, чтобы папа не убивался еще сильнее, но после того, как Седой начал вести свою бессмысленную войну, Алина поменяла решение. Они

сыграли свадьбу через месяц. О, какой это удар был для Седого! Мама купила белое платье, не свадебное, но красивое, Алешу одели в рубашку, Вика устроила им свадебную машину: нарядили черную Приору ее жениха. Сама Вика и ее новый избранник стали свидетелями на свадьбе. Они сделали много фотографий и выложили их в социальные сети, откуда отец и узнал, что бывшая жена теперь стала нынешней женой, но уже другому. Для нормальных людей то, что сыграли мама и Алеша, свадьбой назвать крайне трудно, но для нищего пропитого неудачника, каковым был мой отец, это казалось самым настоящим торжеством, заделанным чуть ли ни на костях. Как и ожидала мама, Седой разгневался не на шутку. Как он орал, когда увидел фотографии – соседи подумали, что он кого-то убивает, постучали в дверь, чтобы спасти жертву, но застали его с красными глазами и пеной у рта абсолютно одного. Они были первые, кому Седой высказал все, что думает о бывшей жене: какая это тварь, проститутка, бездушная сволочь, и муж новый ей соответствует; они не подумали о его горе, случившемся совсем недавно; они не подумали о его дочери, они предали Алису, бессовестные, сыграв свадьбу себе на потеху; зла на них нет, как их земля носит и прочее-подобное. Такие же речи услышали в тот же день многие другие. Отец по обыкновению приплетал меня для создания большей драмы в своем монологе. Седой вышел на улицу и доложил свое мнение о случившемся всем бабкам, гулявшим по дорожке возле нашего дома; он рассказал все грехи моей матери продавщицам в магазине; он позвонил Вике, являвшейся соучастницей того морального преступления, и вылил литры дерьма в адрес ее брата, надеясь, что подруга все же его поддержит, но та слушала молча, однако, не укоряя раздосадованного брошенца. А потом начался недельный запой с горя в компании своих закадычных друзей.

Во время этой пьяной вакханалии хитрые ублюдки (Толстый и Тонкий) развели папочку на крупную сумму денег. Разумеется, что мы были слишком нищими, чтобы иметь наличность размером в сто тысяч рублей. Мы вообще наличность имели не каждый день, даже по сотне, а тут речь шла о тысячах. День на пятый они пришли к нам утром, когда у отца гудела голова, с холодным пивом и продолжили процесс спаивания моего наивного папаши. К обеду, когда он был энергичен и пьян, два разводилы рассказали ему о своих нуждах: есть машина, иномарка, битая, которая стоит, если привести ее в порядок, немалых денег, поэтому ее надо выкупить, подшаманить, а потом толкнуть и получить хорошую прибыль, но для реализации этой идеи нужна сотня тысяч.

–Олег, найди, а? Прибыль потом поделим, отвечаю, – говорил Толстый, прикуривая отцу сигарету.

–Где ж я возьму такие деньги? – замялся Седой.

–А ты кредитнись, – посоветовал Тонкий.

–Кто мне даст? – всерьез задумался Седой. – Я же безработный.

–Быстрые займы есть, Олег, – подсказывал Толстый, – там дают всем.

Вот так просто моего отца развели на кредит под огромные проценты два ублюдка. Знаете, мне интересно, по какой причине мой придурковатый папаша не спросил этих уродов, почему они сами не хотят взять там кредит. Он просто взял паспорт, сел, будучи пьяным, за руль своей машины и поехал с ними брать этот чертов займ.

Жизнь наша катилась под откос, вартира превратилась в помойку, в притон для пьянчуг. Я часто пропускала школу. Скоро моя учительница стала задаваться вопросами. Отца вызвали, но он был не в состоянии идти. Учительница пришла сама, но ей не открыли. Тогда она прислала социальную защиту. Тем отец открыл, но, когда понял, что дело пахнет жареным, стал орать на них, рассказывая обо всех своих бедах, за их безжалостность и непричастность к нашим несчастьям, а потом прогнал прочь, так и не запустив в квартиру, где в тот момент была гора пустых бутылок. Хорошо, что гости хотя бы разошлись. Потом пришла милиция: инспектор по делам несовершеннолетних. Ее визит принес нам много проблем, как могло сначала показаться, но они быстро забылись, наверное, потому что Седой обходил все кабинеты,

наорал и укорил всех, кто причастен к происходящему, пристыдил их, опозорил, и те, дабы не связываться с моим чокнутым папашей хотя бы некоторое время, замяли дело, потому что такие они все работники.

После смерти дедушки бабушка стала увядать с еще большей скоростью, чем раньше. Седой совсем не ухаживал за старой больной матерью, она мало ела, мучилась от болей, плохо спала. Баба Вера за месяц так постарела, что ее было просто не узнать. Она превратилась в живой высохший труп. Выходить к подъезду подышать самостоятельно она уже не могла, а отец отказывался ей помогать, поэтому она затухала в четырех стенах своей комнаты, провявшей старостью и мочой. Как она устала от этих непрекращающихся пиршеств, несмолкающей музыки, поселившихся у нас гостей... Когда был жив дед, у нее была поддержка. Пусть он был стар и немощен, но бабушка знала, что муж ее рядом, жив, опора ее и стена, которая стала сыпаться к закату своей жизни, но это была ее стена. После его смерти у бабушки пропала какая-либо уверенность, надежда на спокойствие. Никто не помогал ей, кроме женщин, приходивших к папе в гости. Они кормили ее супом, интересовались, чем помочь, давали таблетки. Бабушка могла хотя бы вздохнуть с неким облегчением, когда в доме появлялись женщины, потому что мужчинам было плевать, что в соседней комнате сохнет старуха, а женщины же хоть как-то старались смягчить этот процесс медленного помириания. Особенно перед бабушкой распиналась Грачевская. Кто-то даже говорил, что она подалась в няньки, чтобы старуха ей что-то оставила, чтобы охмурить Седого, который будет вот-вот наследником, чтобы... Нет, Грачевская просто относилась к старой больной женщине со всем своим состраданием, чего многим людям не понять, ибо они твари законченные. Пусть в этой громкой круглой женщине были другие пороки, недостатки, но светлое, которым она тогда очень помогла, нельзя забывать. Надо видеть в людях и хорошее, уметь благодарить. Еще много помогали бабушке наши соседи. Сосед не то чтобы, а вот его жена да. Эта святая женщина ежедневно интересовалась здоровьем моей бабушки, причем, лично у нее. Она ходила к бабе Вере в гости, угощала ее всяким, беседовала, когда та плохо себя чувствовала, соседка вызвала ей скорую помощь и спасла, продлив на какое-то, пусть и короткое, время жизнь. Вика и Настя тоже помогали бабушке. Когда они узнали от Грачевской, в каком баба Вера состоянии, в тот же день явились к нам. Какая лекция была прочитана моему отцу этой парочкой! Он даже плакал! До него наконец дошло: мать при смерти! Жаль, что эти две подруги явились так поздно. Обиженные на Седого за цирк, устроенный после похорон моего деда, они презирали отца, потому и близко к нему не подходили. Новость о том, что бабушка моя стремительно идет к своей смерти, огорчила их, подробности ужаснули, поэтому они и решили вмешаться.

Утро субботы, мы не спим, играет Queen, папаша упивается великолепием голоса кумира и собственным музыкальным вкусом. В дверь постучали. Он велел открыть. То были девочки. Как я была им рада! Я повисла на них, поочередно целуя в пухлые мягкие щеки. Я надеялась на них, они могли, как герои, спасти меня, нас.

Отец вышел в коридор, когда услышал знакомые голоса. Он смотрел на гостей виновато, но в душе теплилась радость: они снова пришли, вернулись, его любимые подруги, уважаемые, ценные.

Девочки поздоровались с папой, осведомились о делах. После шаблонных фраз обе прошли в комнату бабушки. Я с ними. Там они долго интересовались ее самочувствием, как ест, как спит, чего не хватает. Бабушка дождалась своего звездного часа и вылила на девочек все свои жалобы, а их, поверьте, было предостаточно. Мне сейчас ее жалко до ужаса, а тогда она в моих глазах была стукачкой. Я хотела, чтобы долгожданные гости спасли меня, избавили от пьяниц в квартире, шлюх и прочего дерьма, но я не хотела, чтобы они ругали отца за бабушку, потому что его чаша весов моей любви сильно перевешивала сторону старухи. Я тогда приростала к отцу, брошенная матерью, с которой Седой мне не давал общаться, потому моя любовь к нему росла как к человеку, бывшему единственным близким в моей жизни. Все враги отца

были моими врагами, в том числе и бабушка. Я омерзительное дитя, исчадие адской бездны – это понимаю сегодня, но не тогда... Я это к тому, что мне, маленькой бестии, не было жалко бабушку ни на грамм. Истощенную старуху с трясущимися руками, обтянутыми сморщенной кожей, от которой пахло мочой; старуху, чьи седые волосы, немывтые уже несколько недель, выбивались сальными тонкими прядками из-под косынки; старуху, сидевшую в халате, который она не меняла уже столько дней, потому что не было сил. Мне не было ее жалко. Тогда я не понимала цену жизни, семьи, человечности. Я была под влиянием одного лишь воспитания отца, а голова моя еще не в состоянии была соображать самостоятельно, вне зависимости от воспитания, получаемого мной от Седого, кого я считала единственным родным и близким человеком, ведь от остального мира он меня умело ограждал, дозировано пуская в мой манеж лишь тех, в ком сам нуждался, и ему было абсолютно неважно, нуждалась ли в них я.

Поняв, что бабушке необходим завтрак, Вика пошла его организовывать, а Настя пошла проводить беседу с моим отцом.

–Олег, – говорила она, на скрипучий деревянный стул на кухне напротив моего отца, – как часто у тебя мама кушает?

–Как попросит, так и кушает, – отвечал отец, говоря чистую правду.

–Да ну? – Настя не поверила и посмотрела на Седого с холодной издевкой. – А как часто она просит?

Отец пожал плечами.

–Хорошо, – продолжила она докапываться до истины, – спрошу иначе. Олег, когда она ела последний раз?

–Вчера, – уверенно ответил отец.

–Во сколько?

Седой пожал плечами: он не помнил, правда, потому что вчера пил весь день с Толстым и Тонким, но кто-то точно кормил мать, возможно, Витя.

Настя изменилась в лице от такого пренебрежения к старухе.

–Сколько раз в день ты ешь? – жестким голосом спросила она.

–Да как придется, – просто ответил отец.

–А Лиска?

–Да ну, кто ж знает, тоже, – Седой терял уверенность, отводил глаза.

–Тоже? Как придется? Первоклассница должна есть регулярно, – Настя начинала выходить из себя, – а не тогда, когда ее папаша соизволит о ней вспомнить.

Отец потерял перед ней всю смелость. Настя установила свою временную власть над ним. Тогда я злилась на эту высокомерную стерву за то, что она смеет так помыкать моим большим и сильным папой, я не понимала, что она старается для меня в том числе.

До самого дня кончины бабушки девочки ежедневно навещали ее, следили, чтобы старушка была накормлена, вымыта, одета. Им очень помогала Грачевская. Но ходить долго не пришлось. Неделю бабушка прожила в человеческих условиях: без пьянок, сытая, намытая. Потом скончалась. Старушка не смогла жить в этом зверином логове, адской дыре, не имея смысла жизни и любимого человека рядом. Когда у бабушек умирают мужья, они находят в себе силы жить, потому что у них остаются их дети и внуки, которые и являются главной жизненной опорой стариков. У моей же бабушки были и дети, и внучка, но только вот опоры не было. Наоборот, мы расшатывали все больше и больше и без того чахлые подпорки ее жизни. Она, конечно, боялась за дядю Витю, но у нее не было ни сил, ни возможностей поддерживать старшего сына. Ей в этих условиях стало уже настолько себя жаль (и я ее понимаю), что она решила бросить старшего больного сына на произвол судьбы и умереть, ведь ради младшего сына-изверга и бездушной внучки она жить вовсе не хотела.

Отец, когда не пил, вставал рано, часов в шесть утра. После визита Вики и Насти он как раз перестал временно устраивать попойки. Многие порывались прийти в гости, но Седой,

волнуясь, что девочки зайдут проведать нас, всем отказывал. Просыпаясь, он часто будил и меня, страшась одиночества.

То воскресное мартовское утро выдалось не самым ужасным, хотя март, как правило, мерзок в своих проявлениях, особенно утренних. Седой проснулся, сделал свои дела, понял, что его гложет одиночество, и растолкал меня.

–Вставай, Лиса, – услышала я знакомое родное бурчание над ухом, – пошли чай пить, уроки делать будем, завтра в школу.

–Папа, – спросонья попыталась перечить я, хотя давно уже должна была привыкнуть к подобным ранним побудкам, – я хочу еще спать.

–Лиса, – голос его стал тверже, настолько, что я даже сквозь сон почувствовала страх, – я сказал тебе, что пора просыпаться. Вставай.

Отец сказал – дочь сделала. Я проснулась, включила мультики, папа лег рядом, мы не собирались делать уроки и пить чай, просто ему было спокойнее так.

Я привыкла вставать рано в школу, но не каждый день. Частые пьянки, происходившие у нас дома на первом году моего обучения, длились до самой глубокой ночи, поэтому спать я ложилась довольно поздно, а мой отец еще позже. Из-за этих вакханалий мы часто не могли с ним вовремя проснуться, поэтому в школу я периодически опаздывала на урок, а то и два. За этими систематическими опозданиями последовала неуспеваемость. Разумеется, моя классная руководительница задавалась вопросом, почему я нередко пропускаю первые уроки, но у отца было оправдание: уход за престарелыми родителями и братом мешал нашим с ним походам в школу. Постоянные записки скоро перестали удовлетворять учительницу. Тетя Алена, мать Кристины, выручала нас время от времени, забирая меня в школу, но не каждый день. Иногда Кристина ходила сама, потому что ее родителям было безразлично, что на пути у нас стоит оживленная дорога, для первоклассницы являющаяся сложным препятствием. В такие дни отец не отпускал меня с ней, потому что беспокоился, переживал, считал подобное опасным.

Когда пьянки временно прекратились, я стала наконец высыпаться, потому что мы с папой ложились рано. Спали до сих пор вместе. Странно, не так ли? Девочка в трусиках и голый мужчина, пусть и родной отец. Сегодня это кажется мне омерзительным, а тогда я не представляла себе, что может быть как-то иначе.

В общем, мы с отцом проводили воскресное мартовское утро, лежа в постели, когда в комнату зашел бледный дядя Витя. Отец разозлился на вошедшего без стука и закричал:

–Какого черта ты сюда заперся? Пошел вон!

–Холодная, Олег, она у нас, – тихо сказал дядя, печальный и бледный, казалось, еле живой.

–Ты что несешь, эпилептик?! – продолжал орать отец, думая, что у дяди снова плохо с головой.

–Матушка наша, говорю, холодная.

–Так укрой ее, чего тут встал? – отец не понимал, чего от него хочет брат.

–Укрытая, – еле говорил дядя.

–А от меня что надо?

–Хоронить ведь надо.

До папы стало доходить, что имеет ввиду брат. Он перестал орать, вовсе замолчал на какое-то время, пытаюсь осмыслить. Седой тогда очень надеялся, что дядя Витя несет чушь, обычную для его расстройства, но страх охватил его с головы до пят. Отец медленно встал, обул тапки и неспешно пошел в комнату бабушки. Я вскочила и потопала за ним.

Картина была ужасная, мерзкая, отвратительная... Прости, боженька, если ты есть, за то что говорю так о теле мертвой бабушки своей, но тогда мне было страшно. Она лежала, скрючившись, на своем диване, с открытым ртом, из которого на подушку вытекла какая-то

жидкость; глаза ее бледно-голубые были открыты и, казалось, впивались в меня; волосы растрепались, постель была мокрой и грязной от испражнений.

Отец очень испугался. Чего? До сих пор я не знаю ответа на этот вопрос. Самое простое, что пришло бы в голову всем, кто хорошо знал этого безумного ублюдка: дохода больше нет, сухой закон, голод, долги станут нашим бременем. Он принялся рыдать. Дядя Витя сидел на стульчике у изголовья и поглаживал седые растрепанные волосы матери. Он, любивший мать всей душой, скорбел гораздо больше Седого. Я побежала скорее звонить Алине.

Денег у нас не было вообще. Даже на еду. Вчера мы доели последний суп, а сегодня отец должен был занимать, только у кого, мы еще не придумали. Я прекрасно знала, что в доме нет и рубля. Мама, могла ли помочь мама, оскорбленная Седым так сильно после всех своих добрых дел? А Алеша? Разрешит ли Алеша помочь нам теперь, после той драки, после всех мерзких слов, что не так давно изрыгал мой сумасшедший придурковатый отец?

–Мама, мама, – кричала я в трубку, услышав родной голос, – баба умерла!

Мама немного помолчала, потом попросила меня успокоиться и сказала, что сейчас приедет. Я почувствовала облегчение. Будто бульжник давил на меня, а тут легкость. Я побежала к отцу с криком:

–Папа, папа, мама приедет!

Он молча посмотрел на меня, закусив губу. Слезы текли по его грубому морщинистому лицу. Тогда он забыл все обиды, нанесенные Алеше и маме. И забыл обиды, которые хранил в себе на них, но лишь временно, пока нуждался в их помощи.

Все, что произошло с нами месяц назад, теперь повторилось. Мама и ее новый муж приехали. Алексей позвал Вику. Вика позвала Настю.

За круглым столом выяснилось, что денег нет ни у кого. Казалось, пятеро сидевших в комнате взрослых людей в тупике.

–Насть, может попробуешь занять у матери? Я все отдам, – говорил с робостью в голосе мой отец, не надеясь на положительный ответ.

–Олег, – оправдывалась та, – я студентка, у меня денег нет, а мама мне не даст. Она знает, что тебе тяжело будет отдавать.

–Но я ей отдам, это точно! – отец делал жалкие попытки убедить подругу.

–Но чем? Пенсии нет, – парировала Настя, опустив голову. Она хотела помочь, но было нечем.

–У меня точно нет возможности раздобыть денег, – вздохнула Вика.

–Кредит, – строго сказала мама.

Папа поднял на нее печальные глаза.

–Не смотри так, – сурово говорила Алина, – словно я враг народа. Ты взял кредит для этих уродов, теперь бери такой же займ на похороны для родной матери.

–Алин, – вмешался ее муж, – не носи ерунды. Он по дурусти тот кредит взял. У него дочь твоя живет. Его приставы начнут насиловать. Он же не отдаст этот долг. Пожалей Алису.

Почему чужой человек думал обо мне больше, чем родители?

–Но у нас тоже денег нет, – вспылила Алина, – а тетю Веру надо на что-то хоронить!

Отец молчал. Ему было стыдно.

В итоге решили искать деньги, кто сколько сможет, а на следующий день считать собранную сумму и думать, что дальше делать.

Алина и ее муж ушли. Отец остался с подругами. Он снова зарыдал.

–Девки, только вы мне помочь можете! Поддержите меня! Возьмите водки! Я не вынесу!

С одной стороны его подруги понимали, что бутылка не самый лучший выход, но с другой... Они знали, как отцу важна подобного рода помощь, поэтому решили, что лучше сами с ним разопьют, чем он позовет шалман уродов. Вика ходила в ларек. Стали напиваться, пока за стеной мирно лежал жуткий труп старухи.

Алкоголь кончился, решили разойтись. Девочки оставили отца, пьяного и несчастного, на мое попечение, надеясь, что он уснет. Но отец не смог остановиться. Он твердо решил в тот день напиться до чертей. Позвонил Грачевской, как человеку, любившему его мать, считая, что с ней он сможет лучше разделить боль утраты. Та примчалась с мужем, который сбежал за парой пузырьков. Сначала они пили втроем. Папа долго плакал, выговаривался им. Потом пришла еще парочка любителей выпить: Леша по кличке Ванька-встанька, молодой, но уже повидавший и повыпивший, а с ним Иволгин, не знавший, что у Седого сидит его бывшая жена с новым избранничком. Но желание выпить перевешивает гордость такого сорта людей, поэтому бабу делить не стали. Так как компания разрослась, подумали, что не хватает еще пары хороших общих друзей: Алены и Славы. Позвали и их. Пили все. Кто-то даже забывал, какой повод.

После очередной стопки Грачевская задала отцу очень простой, но важный вопрос:

– На что мать хоронить будем?

– Не знаю, денег нет, – ответил тот.

– Хоронить надо, – сказала Грачевская.

– А я что могу сделать? – фыркнул отец.

– Но это же мать твоя! Как ты так можешь?

– Да он пьяный, – отмахнулся дядя Слава.

– И что? – гаркнула на него жена, решившая поддержать подругу.

– Да при чем тут то, что я пьяный! – вспыхнул Седой. – Даже если бы я был трезвым, у меня не было бы представления, на что хоронить!

– И что ты собираешься делать? Какие у тебя есть варианты? – спросил Иволгин, наливая себе водку.

– Да кто знает, – махнул рукой Седой. В нем уже не было той скорби, которая несколько часов назад выливалась слезами. А ведь когда умер деда Митя, Седой долго не мог успокоиться, даже водка не могла прекратить рыданий. – Мы говорили сегодня с Алинкой, с Настей, с Викой. У них у всех тоже денег нет. Я понимаю, девочки студентки еще, с них спроса нет. Они помогают всегда, чем могут. А эта шалава даже помочь не может! Что, ее наркоша не зарабатывает?

– Имей совесть, – перебила Грачевская. – Она тебе похороны отца организовала.

– И что? – возмутился неблагодарный Седой.

– Она туда все деньги впарила, – напомнила Алена. – А ты, кстати, так и не отдал ни копейки.

– Еще бы я отдал! – петушился отец. – У меня на руках ее дочь, которую я кормлю, содержу, воспитываю.

– Ой, да ладно тебе, – перебила Грачевская. – ты говоришь так, будто на своем горбу все тащишь.

– А как еще? – возмутился Седой.

– Ты не работаешь, какой тут горб! – говорила тетя Ира громко, распаленная выпитой водкой.

– Куда мне работать? – оправдывался отец. – У меня ребенок на руках. Кто ее будет воспитывать? Следить за ней надо. А брат? Он же больной человек! Оставлять Лиску с ним опасно! Ты что несешь! Какая работа! – он говорил все это и был твердо уверен в том, что в таком образе жизни, как у него, здорового безработного мужика, нет никаких отклонений от нормы.

– А почему ты на Алину наезжаешь? – Грачевская решила заступиться за некогда подругу. – Она разве недостаточно делает для Лиски?

– Да она шлюха! – закричал отец, теряя рассудок. – Что она делает?! Она ничего не делает! Она променяла дочь на наркомана!

– Она не меняла! – кричала Грачевская в ответ на повышенный тон отца. – Отдай ей Лиску, они заберут ее, ребенок будет сыт, одет, обут!

– И кем она там станет?! Такой же шлюхой, как ее мать?! Да кто она такая?! Она спирт пила беременная! Ее я с притона вытянул! Я ее спас! – кричал папаша все это, на самом деле уязвленный лишь только тем, что мама променяла его на наркомана, а он ее все еще так любил. А ведь когда-то Седой гордился тем, что Алина пила спирт во время беременности и родила меня здоровой. Теперь все иначе. Но не от осознания того, что пить беременной женщине противоестественно, а лишь от своих личных обид. – Моя дочь в моих руках тоже сыта.

– Да она попрошайничает по соседям на пару с Ваню, – возмутилась Грачевская. – Иногда их кормят в четвертом подъезде. А от Вики она вообще не вылезит: если б не щи, которые она там жрет, давно бы с голоду упала.

Это была чистая правда. Я тогда еще только начинала промышлять этим: ходить по соседям, у которых есть дети, с которыми я якобы люблю играть, на самом деле только ради тарелки щей. Я даже ходила гулять с одной мамашкой, у которой был грудничок, чтобы она меня иногда звала в гости с ним посюсюкаться, а потом кормила. Деньги мы с Ванькой клянчили постоянно, и нам их давали. Попрошайничество было для нас необходимостью, потому что кушать хотелось часто, но было нечего, ведь родители про нас забывали.

– Так, ладно, успокойтесь, – вмешался Слава, – что вы тут развели? Мать хоронить надо.

– Да иди ты! – перешел на него Седой. – Сказал уже, что не на что!

– И что делать собираешься? – не унималась Грачевская.

– Откажусь, – совершенно спокойно решил Седой. – Я узнавал: если нет денег на похороны, можно отказаться.

– И как тогда ее похоронят? – поинтересовалась тетя Алена.

– Ну, в общей могиле, на Новом кладбище где-то такая есть, – разъяснил ей муж.

– В пакете, – добавил Иволгин.

– Да вы сдурели?! – заорала жена Грачевского. – Как можно мать хоронить в пакете в общей яме?! Как мешок с мусором?! Мать жизнь дает, растит, кормит, воспитывает.

Верно, конечно, только стоило ли укорять обреченного несчастного бездушного мужика, выпившего столько водки? Можно и нарваться. Но Грачевская укоряла, а отец краснел, глаза его готовы были вывалиться из орбит от бешенства, на тонких губах пенилась слюна.

– Кто меня вырастил?! – кричал он. – Она тварь! Она меня не растила! Она Витю растила, а меня бросила! Она ему покупала лучшие кроссовки, а меня одевала в дерьмо! Она меня готова была бандитам отдать на растерзание, когда я попал! Она тварь недостойная! Она меня никогда не любила. Почему я должен к ней нормально относиться? У меня только отец был. Я всегда говорил, что мать не считаю родной. Я вообще считаю, что женщины все ниже мужиков. Такие, как моя мать, уж точно. Они вообще не достойны ничего хорошего. Они рабыни. Любая пришедшая ко мне баба просто шваль, если не жена друга. Я не женщину уважаю, а друга. Каждая баба, тупая и беспринципная, достойна, чтобы ее мутузили. Я и мать свою бил, и Алину бил: они заслужили.

Мать моя, может, заслужила. В их с отцом отношения углубляться мне слишком пошло. Но чем заслужила старая бабка такие страшные гематомы по всему телу, которыми одаривал ее из раза в раз родной сын, я не знаю. Разумеется, она его ненавидела. За такую жизнь, которую он ей устраивал, я бы отравила подонка. Какая тут любовь? Но Седой не винил себя никогда, только лишь окружающих. Он выдумывал в своей голове различные фантазии, которые выдавал за истину, чтобы оправдывать свои зверства, так и сам же в них верил, поэтому считал себя правым.

– Ты понимаешь вообще, Ира, – все не унимался отец, – что если б не твой муж, я бы с тобой так уважительно не общался. У баб нет мозгов. Вы куры все. Баба с мозгами – редкость, великая редкость, дар просто. Я баб с мозгами уважаю, бесспорно. Но вас, основную массу,

презираю. Радуйтесь, что вас подобрали мужики, поэтому только вы не скитаетесь по притонам, в нищете не раздвигаете ноги. Я так Алину подобрал. Никчемные создания. Без мужика баба по сути никчемна. И мать моя никчемное создание. Она без отца никм бы была. Так зачем мне хоронить ее по всем правилам, если можно выкинуть это тело в пакете в яму и не платить? Денег нет. Или ты дашь мне денег?

Все это Седой говорил с полной уверенностью в верности своих суждений. А ведь подобные речи о женщинах я слышала все свое детство. Папа любил поднимать тему женской ничтожности. Часто пьянки сводились к таким разговорам. Иногда он рассказывал про общие случаи, иногда уверял мужей в непригодности их жен. Всякое бывало. И реакции разные. Иногда молчали, иногда слушали и соглашались. Но спорили редко. Седой знал, кому говорить, чтоб не встретить отпор. Достойным людям он не нес подобной чуши, видимо, знал, что правым его не посчитают. Он часто выделял среди всего этого бреда, что я достойна уважения и любви, потому что являюсь его дочерью, поэтому не могу быть подобной прочим женщинам (спасибо). По пальцам можно было пересчитать тех, кого Седой уважал. Основную же массу презирал и ненавидел.

Седой способен неординарно мыслить, и кто бы знал, как мне омерзительна эта неординарность. Настолько омерзительна, что за такие жизненные принципы морального урода мне часто хотелось стереть отца со света, когда я становилась старше. А ведь примеров его неадекватности масса.

Утром следующего дня приехала Алина с мужем. Она долго стучала, но никто не открывал. Мы с папой спали как убитые, потому что легли поздно. Я слишком устала, чтобы проснуться, а он слишком много выпил.

У мамы все еще были ключи от квартиры, которыми она и воспользовалась. Войдя в дом, Алина ужаснулась: вонь стояла дикая (за время жизни с Алешей мама, приучившаяся с помощью нового мужа жить в чистоте и поддерживать порядок, отвыкла от таких запахов). Валялись бутылки, бычки по полу. Я спала голенькая с отцом, одетым в грязные джинсы и вонючую футболку.

–Олег, Олег, вставай. Немедленно вставай.

Я услышала мамин грозный голос, открыла глаза и увидела над нами ее суровое лицо. Ей удалось растолкать отца через какое-то время. Он проснулся с чугунной головой.

–Что здесь произошло? – сердито спросила мать.

Седой потирал виски и морщился от похмелья. Его очень напрягало появление бывшей жены.

–Какого тебе тут надо? – рявкнул он на нее.

В комнату зашел Алеша, пристально глядевший на бывшего соперника – Седой сразу уткнулся.

–Мы пришли по поводу тети Веры, – ответила холодно мать на его грубый вопрос.

–Ааа, нуу, и что там? – виновато протянул Седой, надеясь на хорошие новости.

Еще вчера он готов был, пьяный, расхрабрившийся, кинуть мать, как мешок мусора, в землю, присыпать и плюнуть на все. Но в трезвой его голове жила и другая мысль: если он так поступит, все будут укорять его, показывать пальцем, раздражая в нем чувство вины за такое свинство, которое будет мешать ему жить, поэтому он был не уверен в том, что стоит отказываться от трупа, он надеялся, что есть другой выход.

–Я взяла кредит, – сообщила мама. – Я прекрасно знаю, что ты ничего нам не отдашь. Леша выплатит. Кредит очень небольшой. Хватит на самый минимума. Грачевская мне сказала, что ты вчера отказываться от матери собрался, поэтому я и решила взять кредит. Она меня никогда не любила, но я не последняя сволочь, – говорила мама. Как повлиял на нее Алеша, он сделал эту женщину лучше, человечнее. Еще пару лет назад она бы вместе с отцом скинула бабку в безымянную могилу и бровью не повела. А Алеша привел ее к такому реше-

нию! Человек, готовый оплатить похороны чужой матери, не так уж и плох, кажется. Даже если он наркоман. – Мы похороним тетю Веру, никого звать не будем. На кладбище бери Лиску. Едем только вчетвером. Приводи себя в порядок, Олег. Мы с Лешей будем заниматься делами. И вот еще, – дальше мать говорила особенно сурово, – не смей спать с дочерью в грязной одежде. Она почему в одних трусах? Это ненормально.

Я сидела на кровати, закутавшись в одеяло, и с восторгом смотрела на изменившуюся мать. Если бы она узнала, что мы не только спим вместе, но и купаемся... Но эта холодная женщина даже не заметила моего восхищенного взгляда, не подошла, не обняла, не поцеловала. Как мне не хватало всю жизнь материнской любви!

Родители обсудили что-то еще, сидя на кухне за сигаретой, потом мама и ее новый муж ушли.

Седой чувствовал свою вину. Он понимал, что эта чертова Грачевская уже разнесла по всему району его слова, понимал, какое они вызвали у всех возмущение, и боялся мнения, которое выльется на него при встрече с людьми. Он боялся и думал, как защитить себя. Лучшая защита это нападение. Папаша часто руководствовался этим правилом. В тот день после ухода Алины Седой сидел и размышлял, строил планы на тему, как он будет защищаться: не высказывать свои аргументы, а орать их с пеной у рта; обвинять старуху во всех смертных грехах, обнося ее мертвую душу клеветой. Ничего нового. А бабушка все лежала...

Гостей у нас в тот день не было. Папа убрался в квартире. Наконец. Как этого не хватало. Он был зол на жизнь, но не на себя. Когда люди злятся на что-то, хотя должны злиться на себя, обычно они это зло на ком-то должны срывать. Папе под руку попала я. Он орал на меня, а взгляд его, брошенный в мой адрес из раза в раз, казалось, оставлял на мне удары. Он обвинял меня в том, что я расту свиньей и не хочу ему помогать, кричал за то, что я не убираюсь за собой, за ним. Я не знаю, как положено в нормальных семьях, но я, будучи первоклассницей, не умела делать ничего по дому. В тот день я впервые взяла в руки тряпку и стала мыть полы. Получалось плохо.

На утро, как и было уговорено, мы вчетвером поехали на кладбище. День похорон бабушки был последним морозным в том году. Воздух стоял колом, казалось, сдавливая все сущее, готов был трещать, как дрова, только ледяные. От мороза, бившего по коже лица, спасало только солнце, слепившее, но смягчавшее уколы холодных иголок промерзлого воздуха. Я была рада, когда гроб опустили и закопали, потому что можно было ехать домой в тепло. Никто не плакал. Странно, что человек, не сделавший в жизни особо никакого зла, не удостоился порядочных проводов в иной мир. Ни меня, ни папу не волновало то, что она нас покинула. Мы просто мерзли и хотели поскорее домой. Отец дышал с облегчением, понимая, что мать похоронена более-менее нормально. Дома никого не собирали поминать, только мама и Алеша выпили с Седым по рюмке водки. Когда Алина и ее муж уехали, мы остались вдвоем. До самого вечера мы грелись под одеялом и смотрели фильмы Клинта Иствуда, которые отец так любил, и никто к нам не приходил помянуть, потому что все знали, что денег нет. А на следующий день все стало таять.

Приближение весны сулило и приближение обострения заболевания дяди Вити. Я еще не описывала его припадков, но это не значит, что их не было вовсе. Они случались с положенной для такого рода больного регулярностью и часто были похожими в своих проявлениях. Иногда он просто терялся по дороге домой, но это если проявления были мягкими. Однажды зимой он даже где-то сломал руку и, дезориентированный болезнью, попал в больницу, где мама с папой его и нашли. Но часто его обострения происходили дома и выглядели не очень приятно. На утро после похорон бабушки случился приступ весьма тяжелый, по крайней мере, в моем восприятии. В семь часов утра мы с отцом проснулись от грохота в соседней комнате.

–Опять у Витька началось, – с досадой сказал отец, прыгнул в тапочки и пошел к брату.

Я побежала за ним. Комната дяди Вити находилась через стену от той, где обитали мы с отцом, но чтобы в нее попасть, надо было пройти через зал, в котором раньше жили бабушка и бабушка. Стуки были как раз в нашу стену. Я залетела за папой в дядину комнату, и моему взору явилось не самое приглядное зрелище: дядя Витя в одних трусах лежал на своей старой односпальной кровати на боку, обмочившийся, с выпученными глазами, дергал ногами так, будто ехал на велосипеде – это-то движение ног и было стуком в нашу стену. При этом он неустанно твердил:

–Я умен. Я силен. Я умен. Я силен. Я умен...

–Витек, прекрати, – папа попытался остановить брата, но это было бесполезно, потому что мышцы на его худощавом теле в моменты припадков становились стальными, справиться с ним было очень сложно.

Длилась эта «велопрогулка» несколько минут. Отец успел сбежать за лекарствами, в которых за долгие годы сожительства с больным братом знал толк, позвонил по нужному номеру и вызвал психиатрическую бригаду, а я все стояла и смотрела. У дяди Вити стала идти пена изо рта, прежде чем папа дал ему дозу препарата. В минуты таких забвений дядя Витя никого не слышал, никого не видел. Я не имею представления, что было тогда в его голове. Я видела перед собой сумасшедшего обмочившегося мужчину, корчившегося в одних трусах. Но для меня это было уже привычное дело. Бригада приехала быстро, как это и бывало обычно. Один из врачей мне был уже знаком: не первый раз он был гостем в нашем доме. Дядю увезли.

Боже, насколько я развращена своей жизнью! Я задумываюсь над тем, с каким спокойствием и равнодушием описываю припадки дяди, похороны бабушки, а потом пугаюсь того, какая я стала отвратительная к моменту более-менее сознательного возраста. Абсолютная правда то, что у меня нет никаких эмоций по поводу мерзких картин моей жизни. Они приелись мне, как патологоанатому трупы, поэтому я от них даже не вздрогну, бровью не поведу.

Вечером того же дня отец сидел с Грачевскими, Славой и Аленой и обсуждал свою дальнейшую жизнь:

–Все, я осиротел.

–На что жить будешь теперь? – с жалостью спрашивала Грачевская.

–У Витька пенсия. Он инвалид же. Вторая группа. Уход на мне за ним оформлен. Он же недееспособный.

–А его пенсии хватит? – поинтересовалась Алена.

–Экономить будем, – сказал Седой и хлопнул рюмку паленой водки.

На следующий день пришли Вика и Настя. Разговор был более состоятельный:

–Олег, на что жить будешь? – с печальным вздохом задала Настя уже знакомый вопрос.

–У Витька пенсия, – повторил папа вчерашние слова, – будем экономить и жить, – сказал он, опережая реплику о том, что пенсии дяди Вити не хватит.

–Сколько всего у тебя денег выходит со всеми пенсиями, пособиями и прочими доходами? – спросила Настя.

–Ну, – Седой задумался, – около двенашки.

–На троих, – продолжила Настя. – Этого мало, – заключила она.

–Нам хватит, – махнул рукой папа.

–За квартиру, за трешку, сколько платить? – спросила она отца.

–Не плачу.

Настя широко раскрыла глаза.

–И давно? – спросила она.

Отец кивнул.

–Не видела, список должников? – спросила ее Вика, закуривая сигарету. – На подъезде висел.

Настя отрицательно качала головой.

–Олег там был, – продолжила подруга, – на самом первом месте с самым большим долгом.

–А если квартиру отнимут? – спросила Настя.

–Не отнимут. У меня тут брат, который инвалид. У меня тут дочь малолетняя, – пояснил папа.

–На ком имущество все? – продолжила спрашивать Настя.

–Отец и мать, – ответил Седой.

–Переформи, – посоветовала она ему. – У тебя дача на Шлыквке, – напомнила она, – это место таких денег стоит... Не упусти дачу. Вообще ничего не упусти. Если все просрешь, дочь твоя останется без всего. Сейчас налетят коршуны эти, дружки твои, и разуют тебя. Будут спаивать, останешься без дачи, машины, квартиры...

–Да ну! – возмутился отец. – Это почему они должны меня разуть?

–Вот увидишь, – ухмыльнулась Настя и принялась давать отцу юридическую консультацию, которая затянулась надолго.

Как в воду глядела она, говоря про коршунов, но отец ее тогда не послушал. Пока дядя лечился, у нас происходил шабаш. Началось все с Толстого, который набрал пива, водки и приперся к нам. А за ним потянулись и остальные. Первое время после смерти бабушки у нас всегда были гости. Иногда папа позволял кому-то пожить несколько дней. Даже после выписки дяди Вити отец спокойно относился к тому, что с нами жил целую неделю Рафаил, которого мать за постоянные пьянки выгнала из дома. А где Рафаил, там водка. Этот еврей ежедневно по утрам ходил в частный сектор за паленой самогонкой, а с собой притаскивал еще кого-нибудь: чаще всего Толстого, Тонкого, а иногда и вообще незнакомых нам людей. Незнакомцам этим папа был непременно рад, потому что считал, что с их помощью расширяет круг своих друзей, повышает востребованность. Он не понимал, что квартира его все больше походит на вшивый притон. Если раньше у нас в гостях были более-менее постоянные люди, то теперь сюда мог завалиться кто угодно: от соседа адвоката с безупречной репутацией, бежавшего от надоевшей жены, до наркоманки Нютки, которая прилипалой увязывалась за Рафаилом. К сожалению моему, приличные гости обходили нас стороной. Зато заваливались синюхи, наркоши, проститутки. Отца совсем не пугало, что такие ошметки общества могут оказывать влияние на становление личности его дочери. Однажды вечером у нас на кухне была очередная вонючая дешевая обдымленная попойка. Прошел месяц после похорон, дядя Витя давно уже был дома, сидел безвылазно в своей каморке, Рафаил у нас уже не жил, но пришел в гости, с ним заодно приперлись Толстый и Тонкий. Четверо мужчин сидели на кухне, наслаждаясь ларьковской водкой. Знаете, я ненавидела эти ларьки, нелегально торговавшие отравой, и не могла понять, почему на них нет управы, ведь Вика часто говорила о том, что они торгуют незаконно. Ох, была б моя воля, я б их всех закрыла. Нет, сожгла б. Но воли у меня не доставало, так что ларьки стояли живехонькие, а водка была разлита по грязным рюмкам. О, видели бы вы, насколько рюмки те были грязными: отец не удосуживался их мыть, считая, что после водки, являвшейся дезинфицирующим средством, мытье данной посуды не является необходимостью. И в тот весенний мерзкий вечер, когда улица была отвратительного серого цвета днем, но пряталась хоть как-то во мраке пасмурного вечернего неба, чтобы хотя бы временно не портить людям настроение своим тусклым видом, отец лакал водку из грязной рюмки в компании любимых своих друзей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.